

А. М. Матвеева

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ
ИСТОРИИ РОССИИ
П. Н. САВИЦКОГО**

Монография

ИНСТИТУТ
ПРОМЕТЕЙ

Александра Матвеева

**Геополитическая концепция
истории России П. Н. Савицкого**

«Прометей»

2016

Матвеева А. М.

Геополитическая концепция истории России П. Н. Савицкого /
А. М. Матвеева — «Прометей», 2016

В монографии доцента кафедры истории и культурологии Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) Матвеевой А.М. представлен комплексный анализ геоисторической теории П. Н. Савицкого, а также системное исследование его учения в контексте истории отечественной и зарубежной геополитической мысли. В книге рассматривается научная деятельность П. Н. Савицкого и его попытки применять свои научные изыскания в политических целях. Работа построена на обширной источниковой базе: фонда П. Н. Савицкого, фондов К. А. Чхеидзе, С. Г. Пушкарева и других фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ); представлены выдержки из следственного дела П. Н. Савицкого, хранящегося в Центральном архиве Федеральной Службы Безопасности России (ЦА ФСБ России). Монография предназначена для всех, интересующихся историей отечественной геополитической мысли и историей России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Матвеева А. М., 2016
© Прометей, 2016

Содержание

Введение	6
Глава I	30
§ 1. Дореволюционный период: первые опыты геополитического анализа	30
1.1. Понятие империи. Типы империй	30
1.2. Геоэкономическая специфика русского империализма: проблемы промышленного развития и колонизации	33
1.3. Проблема образования Российской империи. Геостратегия России в мировой системе империализма: поиски геополитического баланса. Роль восточного направления в геополитике Российского государства	37
§ 2. Общественно-политическая и научная деятельность П. Н. Савицкого в годы гражданской войны	41
2.1. Теория геополитического и исторического оптимизма: анализ событий 1917 года и Гражданской войны. Формирование основ пореволюционной идеологии	41
2.2. Формирование методологических основ геополитического подхода. Разработка геостратегии для России в условиях Версальского миропорядка	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александра Михайловна Матвеева

Геополитическая концепция истории России П. Н. Савицкого

© А. М. Матвеева, 2016.

© Издательство «Прометей», 2016.

* * *

Введение

Популярность в современной России евразийских идей, во многом, вызвана геополитическим кризисом, начавшимся после развала Советского Союза. Новое российское государство, воспроизводившее своими неустойчивыми контурами средневековую Московию, разъедаемое изнутри мощными дезинтеграционными процессами, нуждалось в геополитической доктрине, которая должна была ликвидировать угрозу его целостности и объяснить механизмы идейно-смысловой связанности не только постсоветского, но и собственно российского пространства. Трагические события последних лет на Украине, возвращение Крыма в состав России спровоцировали начало глубинных геополитических процессов международного значения. В основе их лежит начало воссоздания имперского тела нашей страны, оформленного в XVIII веке, затем воспроизведенного в рамках СССР и как следствие этого, продолжение извечного противостояния с англо-саксонским миром на новом витке.

Поиски идеологии и стратегии восстановления великой державы приводят многих исследователей к анализу событий 1917–1922 гг.: периода от падения Российской империи до собирания ее пространства в советских границах. Тем более что границы современной России во многом напоминают очертания нашей страны в период интервенции (особенно осени 1918 года). В этой связи особую ценность стали представлять геополитические теории того времени, обосновывавшие интеграционные процессы. С другой стороны, потребность в создании адекватной геополитической концепции в условиях складывающегося однополярного миропорядка также актуализировала интерес к их изучению, поскольку явления современного капитализма: глобализация и ее последствия (нестабильность системы международных отношений, обострение геополитического противоборства в мире) имеют свои истоки в исторической ретроспективе, первых десятилетиях XX века. Закон диалектики истории таков, что проблемы прошлого имеют свойство усугубляться в будущем. И сегодня, как верно заметила Н. А. Нарочницкая, мир переживает «второй Версаль»¹.

Пожалуй, самой разработанной и систематизированной из отечественных геополитических теорий того времени являлась концепция России-Евразии известного российского геополитика Петра Николаевича Савицкого (1895–1968 гг.). Данная теория разрабатывалась в условиях Гражданской войны, когда еще был не известен ее исход, а затем получила свое логическое завершение в эмигрантском творчестве Савицкого. Представленная в ней в свете определенной логики геополитической традиции имперская модель русской истории, «почвенность» этой теории, а главное, оптимистический вывод ее о России, как о predetermined природой империи, привлек многих представителей властной элиты. И сегодня геополитическая теория России-Евразии, как формула собирания пространства в пределах бывшего СССР, является одной из самых популярных в платформах многих политических движений, позиционирующих себя, как державные и патриотические (КПРФ, ЛДПР, Единая Россия).

Но многих привлекает только внешняя сторона этой теории – контуры, форма России-Евразии. В подобной парадигме геополитического мышления статус государства очерчивается только «снаружи», а те процессы, которые происходят внутри, имеют второстепенное значение.

Из опыта мировой истории, в частности Германии 1920—1930-х годов, известно, что такой подход является благодатной почвой для политических спекуляций. Потребность в создании убедительного образа государства, укорененного в его великодержавном прошлом, способствует появлению всякого рода политических целителей или, как выразился И. А.

¹ Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2003. – С. 476.

Ильин, «публицистических знахарей или демагогов»². Таковыми в начале XX века, русский философ именвал евразийцев Русского Зарубежья.

Сегодняшние «неевразийцы» (ОПОД «Евразия») называют себя их преемниками. Самопровозгласившись «геополитической партией научных патриотов», неоевразийцы обещают восстановить пространство бывшего СССР в виде «Срединной империи» под названием «Евразия». Они прогнозируют обретение Россией статуса великой державы без видимых усилий, за счет одного лишь географического положения³.

Определить является ли евразийство «моделью, наиболее соответствующей стратегическим интересам современной России»⁴ можно лишь изучив евразийский подход к принципам внутренней организации этого пространства. Тем более что в работах П. Н. Савицкого этот вопрос являлся первостепенным и разрабатывался с учетом изменений в общественной практике Советской власти.

Обращение к исследованию евразийской геополитики имеет большое актуальное значение для науки.

Научное познание, нацеливаясь на объективное исследование действительности, должно быть строго адекватно ее изменениям. Такое многомерное, всеохватывающее явление современного мира, как «глобализация» социально-экономических и культурно-исторических процессов, отразилось и на состоянии науки. Следствие данного влияния – поиски общенаучной системной методологии и актуализация интереса к междисциплинарным исследованиям.

Особенно ярко обозначенные тенденции проявились в отечественной исторической науке. Активный поиск новых подходов к объяснению исторического процесса в нашей стране начался с 90-х гг. XX века в связи с так называемым «методологическим кризисом». Тогда пробудился большой интерес к исследованиям «на стыке наук», среди которых особое место занимает геополитика, как область знания, в которой «синтезированы данные об экономическом, социальном и политическом устройстве отдельных стран с данными об особенностях их географического положения (численность, состав народонаселения, территория, природно-климатическая зона, наличие естественных ресурсов и т. д.)»⁵.

И по сей день интерес к истории отечественной и зарубежной геополитической мысли не иссякает. Созданы научные центры геополитических исследований, появились учебники и хрестоматии по геополитике⁶. При этом составителями и авторами данных учебно-методических комплексов являются в основном политологи, социологи, даже ученые-естественники. Историческая же наука проявляет недостаточно внимания к этой проблеме, связанной с ней в гораздо большей степени, нежели с другими областями социогуманитарного знания. Ведь изначально в основу первых геополитических теорий, появившихся еще в конце XIX-начале XX вв. (до введения самого термина «геополитика» в научный оборот Р. Челленом в

² Ильин И. А. Самобытность или оригинальничание // Мир России – Евразия. Антология. – М., 1995. – С. 350.

³ Дугин А. Г. Россия может быть или великой или никакой // Основы евразийства. – М., 2002. – С. 785–786.

⁴ Дугин А. Г. Основные принципы евразийской политики // Основы евразийства. М., 2002. – С. 573.

⁵ Косолапов Р. И. Глобализация // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. Энци. словарь/ред. кол. Мчедлов М. П. и др. – М., 2001. – С. 42.

⁶ Гаджиев К. С. Геополитика. – М., 1997. Он же. Введение в геополитику. – М., 1998; Ткачев В. И., Динес В. А., Всемиров В. В. Геополитика: сущность и основы теории: Учеб. пособие. – Саратов, 2001; Тихонравов Ю. В. Геополитика. Учеб. пособие. – М., 2000; Нартов Н. А. Геополитика. Учебник для вузов. – М., 1999. Дергачев В. А. Геополитика. Учебник. – М., 2004; Геополитика. Учебник./Под общ. ред. В.А. Михайлова. – М., 2007; Мухаев Р. Т. Геополитика. – М., 2007; Геополитика: хрестоматия. / Автор-составитель Исаев Б. А. – СПб., 2007; Геополитики и геостратеги: Хрестоматия по геополитике / Автор-составитель Исаев Б. А. – СПб., 2003, 2004.; Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России/ Составители: Замятин Д. Н., Замятин А. Н. – М., 2003; Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / Составитель Л. Н. Шишелина. – М., 2007.

1916 г.) был заложен историко-географический синтез⁷. А это предопределяло предмет геополитики – исследование проблемы взаимовлияний исторической среды и занятого ею пространства⁸.

Некоторые современные исследователи определяют геополитический подход к истории как отдельное научное направление – *геоисторию*, занимающуюся выявлением геополитических закономерностей в процессе изучения пространственно-силового взаимодействия государств и особенностей построения их пространства в исторической ретроспективе⁹.

Сложность применения данного подхода заключается в том, что **геополитика по своему содержанию многозначна, многослойна**. В процессе исторического развития менялось ее назначение, функции, смысл. И по сей день не существует единого представления об ее предметной определенности. Многие формулировки весьма расплывчаты. Так, например, в современной историографии часто определяют геополитику как пространственный подход со своей специфической методологией к анализу исторических, прежде всего, политических процессов¹⁰. Другие же авторы воспроизводят определения империалистической геополитики начала XX в., понимая под геополитикой – процесс созидания именно империй, «мирополитическую экспансию, отправляющуюся от цивилизации к империи»¹¹.

Для решения данной терминологической проблемы представляется целесообразным рассмотрение геополитики в трех ипостасях-значениях: **геополитика-идеология, геополитика-наука, геополитика как практический процесс**.

Геополитика, обосновывающая экспансию, колониальные захваты, претензии на мировое глобальное господство, есть форма политической идеологии. Она по содержанию является **геоидеологией**¹². Это доктрины, направленные на территориальное расширение и экономическую экспансию, в основе которой лежит эксплуатация населения подконтрольных территорий. К ним можно отнести большинство западных империалистических концепций конца XIX – первой трети XX века (Ф. Ратцеля, Р. Челлена, А. Т. Мэхэна Х. Маккиндера, Ф. Дж. Тернера), современные «мондиалистские» и «атлантистские» концепции. Как правило, подобные теории основываются на принципах географического детерминизма, социал-дарвинизма и мальтузианства.

К геоидеологии же, на наш взгляд, относятся различные пан-идеи (панславизм, пангерманизм, пантюркизм и т. д.), которые также направлены вовне, на расширение пространственного контроля, прежде всего, с политической целью: созидание или сохранение национальных империй, защита родственных народов и т. д. При этом важно отметить, что данное расширение не подчинено непосредственно целям именно национальной безопасности. Это не следствие стратегической необходимости.

⁷ Так, один из отцов-основателей геополитики Ф. Ратцель определял ее как «науку, исследующую связь географического воззрения и исторического разъяснения» (Ратцель Ф. Народоведение. – Т. I. – СПб., 1901. – С. 3.)

⁸ Об этих именно двусторонних влияниях говорил еще предтеча геополитики немецкий географ К. Риттер (1779–1859).

⁹ Ивашов Л. Г. Россия или Московия. Геополитическое измерение национальной безопасности. – М., 2002. – С. 9; Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). – СПб., 2005. – С. 23; Зотов О. В. Единство Давида с Голиафом (евразийский синтез военной мысли в работах А. Е. Снесарева) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Международная научная конференция. – Тез. Докл. – Ч. I. – Челябинск, 1995. – С. 128.

¹⁰ Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). – СПб., 2005. – С. 36; Михайлов Т. А. Эволюция геополитической идеи. – Рига, 1998. – С. 11; Гаджиев К. С. Введение в геополитику. – М., 1998. – С. 7.

¹¹ Казарян Л. Г. Россия-Евразия – мир. Сверка понятий: цивилизация, геополитика, империя // Цивилизации и культуры Научный альманах. – Вып. 3. – М., 1996. – С. 103–106.

¹² Термин введен К. Плешаковым. (См.: Плешаков К. Геоидеологическая парадигма: (Взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР). 1949–1991. – М., 1994; Он же. Геоидеологическая парадигма // Международная Жизнь. – 1995. – № 4–5.

К геоидеологии также следует причислять теории, обосновывающие властные претензии элит внутри страны. То есть, когда в «историко-географическом синтезе» геополитики историческая часть выступает в роли теоретического обоснования-оправдания и не имеет самостоятельного научного значения.

Вторая ипостась геополитики – научная. Здесь уместно определение Э. А. Позднякова, который квалифицирует геополитику как науку, выявляющую и изучающую возможности активного использования политических факторов физической среды и воздействия на нее в интересах военно-политической, экономической и экологической безопасности государства¹³. Геополитика-наука включает в своем содержании элементы военной стратегии, экономической и политической географии, истории. Последнее слагаемое необходимо для выявления закономерностей формирования пространства государства в процессе его становления и развития. К этому направлению относится отечественная геополитическая традиция. В России геополитическая мысль зародилась на полвека раньше, чем на Западе, вне связи с империализмом. Свои истоки она брала в недрах научного знания, отечественной антропогеографии и экономической географии, военной стратегии и истории. Российская геополитика (или если использовать не этот термин западной политологии, а понятие отечественной военно-географической науки – военная статистика (Д. А. Милютин), высшая стратегия (А. Е. Вандам), стратегия (А. А. Свечин)) исходила из свойств континентальной Российской империи, основной ее задачей являлось обеспечение безопасности государства и, исходя из этого, поиск адекватной геостратегии на мировой арене. В рамках отечественной геополитики можно выделить два научных направления – военно-стратегическое (А. Е. Снесарев, А. А. Свечин, А. Е. Вандам, А. Н. Куропаткин, Н. Н. Головин, Н. П. Михневич, А. Х. Елчанинов, В. Л. Черемисов и др.) и экономико-географическое (Д. И. Менделеев, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. Н. Савицкий и др.). К этому направлению можно отнести военные геополитические школы других стран, например, школу немецкого генерала К. Хаусхофера.

Геополитика в этой ипостаси представляет собой высшую стадию стратегического планирования, цель которого – **безопасность** государства, защита оригинальной имперской идеи (территориальной, национальной, многонациональной). Она обеспечивает инструментарий для эффективной эксплуатации и контроля над государственным пространством. В этом ее прикладное или геостратегическое значение, заключающемся также и в разработке рекомендаций относительно поведения государств на международной арене с целью защиты интересов национальной безопасности.

Но представленное выше разделение на геополитику-науку и геополитику-идеологию весьма условно. Поскольку даже геополитика-наука, как правило, нацелена на вычленение мессианской идеологической компоненты в каждой «империи».

Третье значение геополитики – это подход к ней не как к форме общественного сознания, а как к процессу созидания пространства государства, «но не нагромождения владений»¹⁴. Геополитика-процесс – это также и динамика международных отношений.

Исходя из рассмотренных общественно-политической и научной потребностей, **целью** данной монографии является системное изучение геополитического подхода Савицкого к анализу исторического развития России первой трети XX в.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: – рассмотреть истоки и этапы формирования геополитической концепции П. Н. Савицкого;

– проследить эволюцию его идейно-политических взглядов;

¹³ Поздняков Э. А. Геополитика. – М., 1995. – С. 42.

¹⁴ Ивашов Л. Г. Россия или Московия. Геополитическое измерение национальной безопасности. – М., 2002. – С. 189.

– проанализировать учение П. Н. Савицкого о России-Евразии как о континентально-сухопутном империализме, месторазвитии, «микромодели мира», «сердце мировой истории» и «материковом хозяйстве»;

– установить соотношение понятий и исторических субъектов: «государство» и «месторазвитие», «Россия» и «Евразия» в геополитической концепции Савицкого;

– выявить закономерности и методологические принципы геополитического подхода П. Н. Савицкого к истории;

– определить степень адекватности геостратегии П. Н. Савицкого потребностям национальной безопасности России в условиях глобализационных процессов первой трети XX века;

– рассмотреть геополитические принципы внутренней организации «евразийского» пространства, выявленные Савицким, в контексте общественно-политической и социально-экономической практики Советской России 20—30-х гг. XX века;

– определить роль идеологии и науки, их соотношение, в геополитическом подходе к анализу исторического развития России первой трети XX века.

Объектом исследования в данной монографии является творческое наследие П. Н. Савицкого. **Предметом** – геополитическая концепция отечественной истории П. Н. Савицкого применительно к периоду первой трети XX века.

Хронологические рамки работы связаны с периодом научной деятельности П. Н. Савицкого и охватывают промежуток с 1915 г., времени появления первых публикаций П. Н. Савицкого по геополитической проблематике, по 1960-е гг.

Методологическую основу составляют конкретно-исторический подход к исследованию источников и структурно-функциональный анализ изучаемой концепции.

Ввиду междисциплинарного характера исследования, было применено комплексное сочетание методов исторического анализа и специально-научных методов: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, картографический и синхронный.

Историографический обзор.

П. Н. Савицкий являлся главным идеологом, политическим лидером евразийства, и одновременно разработчиком его концептуальных основ. В этой связи уместны слова самого Петра Николаевича «евразийство, в известной степени, я сам»¹⁵. Поэтому историография евразийства, во многом, и есть исследование его идей.

При этом, разумеется, нельзя сводить евразийство к творчеству одного автора. Данное движение было внутренне разнородно, поскольку объединяло выдающихся ученых и творческих людей. Отталкиваясь от идей «главного евразийца», некоторые из них развивали собственные оригинальные теории: например, Г. В. Вернадский, который в своих теоретических евразийских построениях, исходил, прежде всего, из своей концепции, сформулированной еще до революции¹⁶ или Я. Д. Садовский, автор учения о «демотии», который во многом не соглашался с П. Н. Савицким. Поэтому в данном историографическом обзоре будут рассмотрены отзывы о евразийстве, связанные только с П. Н. Савицким и созданной им концепцией.

Можно выделить три этапа в развитии историографии данного вопроса:

1. 20-30-е гг. XX века. Этот период представлен работами эмигрантских авторов;
2. советская историография;

3. современная историография. *Первый этап.* Уже первые евразийские публикации П. Н. Савицкого вызвали бурную реакцию в русской эмигрантской среде. Как отмечал

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5783. Оп. 1. Д. 326. Л. 39.

¹⁶ Вернадский Г. В. Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. – 1914. – № 1; Он же. О движении русских на Восток // Новый исторический журнал. 1914. – № 2.

он сам, с конца сентября 1921 г. стал складываться «антиевразийский фронт» в эмигрантской печати¹⁷. В целом, данная реакция выражалась в категорическом неприятии, как самого евразийского политического движения, так и его концепции. Причем в резкой критике евразийства сошлись представители различных, зачастую противоположных политических, историософских взглядов: либералы-западники, традиционалисты-консерваторы и даже социалисты, историки народнического толка.

Уже в самом начале становления евразийского движения на него обрушились с критикой либералы. Г. Ландау, постоянный автор кадетского берлинского «Руля», видел «подлинную пружину» концепции П. Н. Савицкого в «самоутешении в великом бездействии смуты»¹⁸. Геополитическую теорию Петра Николаевича считал ненаучной, полагая, что в теоретических изысканиях «доказательством служит ему его интуиция, с которой спорить не приходится, и эмпирика, которой он не делится»¹⁹. Критика в адрес евразийского движения и самого Савицкого была настолько язвительной и жесткой, что однажды Петр Николаевич даже хотел вызвать на дуэль своего оппонента Г. Ландау²⁰.

Против евразийских идей, и конкретно теорий Савицкого, как главного идеолога евразийства, с разоблачительной критикой выступали авторы парижских «Последних новостей», как одного из рупоров либерального направления эмигрантской общественно-политической мысли и науки. Позиция этой газеты состояла в рассмотрении евразийства, прежде всего, как политического движения, стремящегося захватить власть в СССР, и именно с этой целью разработавшего в своих рамках «лже-самобытную» теорию-идеологию, «льстящую чувству национальной исключительности»²¹. В этой связи «россиеведческая» теория, историческая концепция России-Евразии Савицкого определялась как подбор фактов для идеологического обоснования политических целей. Здесь имелась в виду нацеленность на доказательство исключительности России как особого мира. Поэтому евразийская концепция рассматривалась как ненаучная географически детерминированная теория-идеология, построенная под политические цели²².

Авторы данной газеты отмечали эклектичность концепции евразийства, построенной, по их мнению, на заимствованиях из западной философии и геополитической мысли, прежде всего, из работ О. Шпенглера и Ф. Ратцеля²³.

Эта позиция отражала, прежде всего, точку зрения П. Н. Милюкова, редактора данного издания, являвшегося по признанию П. Н. Савицкого, одним из самых глубоких критиков его идей²⁴. Бывший лидер кадетов внимательно наблюдал за его творчеством, изучив, в том числе, и дореволюционные публикации П. Н. Савицкого, подвергнув их серьезному анализу. Павел Николаевич даже составил своеобразный историографический обзор евразийства²⁵.

Полемика Милюкова с Савицким, во многом, являла собой продолжение дискуссии между Павлом Николаевичем и учителем главы евразийцев П. Б. Струве, который

¹⁷ Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство // П. Н. Савицкий. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 162.

¹⁸ Ландау Г. Евразийское самоутешение // Руль. – Берлин, 14 января 1922. – С. 2, 3.

¹⁹ Ландау Г. «Именинники» (ответ евразийцам) // Руль. – Берлин, 10 февраля 1922. – С. 2.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 326. Л. 75.

²¹ Без автора. Евразийцы и азиаты. // Последние новости. – Париж, 20 декабря 1926. – С. 1.

²² Кулишер А. Шуйца и десница евразийцев. // Последние новости. – Париж, 4 марта 1927. – С. 3.

²³ Кулишер А. Шуйца и десница евразийцев // Указ. соч. – С. 2.; Дионео. Евразийская антропология // Последние новости. – Париж, 8 февраля 1927. – С. 2.

²⁴ Савицкий говорил о Милюкове как об «очень прилежном старике», скрупулёзно изучающем его работы и поражался тому, что историк перечитал все источники, цитируемые в его (Савицкого) книге «Географические особенности России» (1927). См.: Письма П. Н. Савицкого (отпуска) представителям евразийства по литературным и организационным вопросам // ГА РФ. Ф. П. Н. Савицкого. 5783. Оп. 1. Д. 355. Л. 36.

²⁵ Милюков П. Н. Евразийизм и европеизм в русской истории // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. – М., 1994.

также не принимал историю как единый закономерный поступательный процесс²⁶. В этой связи Милюков советовал евразийцам «перестать быть учениками Струве, чтобы исправить ошибки в исходных точках»²⁷.

Особое внимание Милюков проявил к геополитической концепции России-Евразии, как к своеобразному подходу к отечественной истории. Он видел главную ее «непрочность» в том, что «в своих теоретических построениях евразийство не свободно, заранее имеется задание, к которому притягиваются доказательства. (...) Цель Савицкого найти единственность и исключительное своеобразие, во что бы то ни стало; другой целью является доказательство необходимости поворота от Запада к Востоку»²⁸. Причем, если в дореволюционных работах Савицкого, по мнению историка, идея своеобразия была выдержана «во вполне законных пределах»²⁹, то в эмигрантский период, евразийский лидер начал игнорировать научные факты, например, возрастающий континентальный характер климата России с запада – на восток, из леса – в степь³⁰.

Милюков не принимал географической детерминированности исторического подхода Савицкого, что являлось, по его мнению, проявлением «метафизического реализма».

Оспаривая евразийскую установку, что Евразия – это область перехода Европы и Азии, ученый утверждал, что весь земной шар являет собой сплошную переходную полосу, сферу синтеза и везде можно найти свою Европу и свою Азию³¹. «Таким образом, – отмечал П. Н. Милюков, – между Евразией наших «евразийцев» и Западной Европой можно вклинить еще одну Евразию, как и на Азиатском континенте»³².

Следуя логике немецкого географа К. Риттера, П. Н. Милюков подмечал, что с точки зрения антропогеографии, выделение России-Евразии как особого культурно-исторического мира не оправдано, поскольку, таким образом, отсекаются близкие народы Восточной Европы³³.

Среди недостатков геософской концепции «научной системы россиеведения» Милюков выявлял также: «чрезмерное пристрастие к схематизации», ненаучное приложение понятий «периодизации» и «симметрии» к изучению конкретных фактов, миссианство³⁴.

При этом Милюков принял теорию месторазвития П. Н. Савицкого, считая ее «вполне законной и научно-допустимой»³⁵. Более того, историк считал месторазвитие одним из движущих факторов истории³⁶.

Как представитель либеральной западнической историографии, Милюков подверг критике «восточничество» евразийской теории под «желто-оранжевым знаменем»³⁷.

Общая оценка творчества Савицкого Милюковым была неоднозначна. По его мнению, П. Н. Савицкий был «единственным из евразийцев, который соединял националистическую

²⁶ Вандалковская М. Г. – П. Н. Милюков в полемике с евразийской концепцией русской истории // П. Н. Милюков: историк, политик. Дипломат. Материалы международной научной конференции. – М., 26–27 мая 2000. – С. 68.

²⁷ В. П. Евразийство (доклад П. Н. Милюкова) // Последние новости. – Париж, 8 февраля 1927. – С. 3

²⁸ Д. М. Евразийство // Последние новости. – Париж, 11 января. 1927. – С. 2.

²⁹ Милюков П.Н. Народник-марксист о русской народности // Современные записки. – Париж, 1932. – № 50. – С. 435.

³⁰ В. П. Евразийство (доклад П. Н. Милюкова) // Последние новости. – Париж, 8 февраля. 1927. – С. 3; Милюков П. Н. Евразийизм и европеизм в русской истории // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. – М., 1994. – С. 60.

³¹ Милюков П. Н. «Третий максимализм» // Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: Евразийский соблазн. – М., 1997. – С. 327.

³² Милюков П. Н. «Третий максимализм» // Указ. соч. – С. 327.

³³ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры в 3-х томах. – М., 1993. – Очерк 1. – С. 69.

³⁴ Милюков П. Н. Народник-марксист о русской народности // Современные записки. – Париж, 1932. – № 50. – С. 434.

³⁵ Там же. С. 434.

³⁶ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 355. Л. 366.

³⁷ Милюков П. Н. Народник-марксист о русской народности // Указ. соч. – С. 438.

фантастику своей политической группы (являясь, в значительной степени и создателем этой фантастики) с задатками настоящего ученого. В его «пафосе», наряду с политической страстью, пробивается здоровая исследовательская жилка»³⁸.

На близких позициях стоял еще один крупный представитель либеральной историографии А. А. Кизеветтер, отмечавший, что в концепции евразийцев «геополитическая наука замещается мистикой, от которой добрых научных плодов ждать не приходится»³⁹. Но сюда же он относил и теорию месторазвития, полностью отказывая П. Н. Савицкому в системности его историко-географических взглядов и их оригинальности⁴⁰. Ориенталистская установка концепции Савицкого рассматривалась как крайнее проявление антиевропоцентризма, а это порождало ее внутренние противоречия, которые иронично описывал Кизеветтер: «Что это за странный русский народ: пока Россия не была Евразией, он мыслил и чувствовал по-евразийски (до конца XIX в., когда пространство империи стало совпадать с месторазвитием – *А. М.*), а когда Россия стала Евразией, то параллельно с этим евразийское мировоззрение с него соскочило (речь шла о крайней европеизации культуры – *А. М.*)»⁴¹.

Критика раздавалась и слева. Так, меньшевистский «Социалистический вестник» указывал на научную несостоятельность евразийской историософии, опирающейся на «бездоказательные постулаты и противоречивые утверждения, построенные исключительно на интуиции и мистике»⁴². Эсеровская газета «Воля России» также считала, что «софийские писатели далеко не оригинальны, а главное, совершенно бездоказательны, (...) «Исход к Востоку» построен догматически. Авторы его подходят к России и путям ее развития с заранее уготованной философской меркой»⁴³.

Другой аспект критики меньшевиков был связан с категорическим неприятием их «восточной трактовки» к отечественной истории и геополитическим интересам России. Отмечалось, что идея евразийцев о том, что Россия должна возглавить антиколониальное сопротивление народов Азии, может означать «агрессивную политику на Востоке со всеми вытекающими отсюда европейскими последствиями», а осуществление евразийских идеалов в политической жизни самой России привело бы к превращению ее в Азию: «тень Ленина уступила бы место тени Чингисхана»⁴⁴.

Антивосточный аспект критики евразийских идей был, пожалуй, одним из самых широко распространенным на «антиевразийском фронте». Так, И. Ильин называл евразийскую концепцию «“чингисхамством”, уничтожающим русскость»⁴⁵. Он отмечал, что евразийцы решают духовный вопрос через географическое и этнографическое «припадание», что есть само по себе «географический материализм все снижающий и упрощающий»⁴⁶. Ему вторил, отошедший в 1926 году от евразийства теолог Г. Флоровский (кстати, свояк П. Н. Савицкого): «В историософическом развитии по Чингисхану есть двоякая ложь: и крен в Азию, и еще более опасное сужение русских судеб до пределов государственного

³⁸ Там же. – С. 434.

³⁹ Кизеветтер А. А. Русская история по-евразийски // М. Г. Вандалковская. Историческая наука российской эмиграции: Евразийский соблазн. – М., 1997. – С. 342.

⁴⁰ Кизеветтер А. А. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – С. 266–278.

⁴¹ Кизеветтер А. А. Русская история по-евразийски // Указ. соч. – С. 343.

⁴² С. Ю. Волин. Евразийство // Социалистический вестник. – Берлин, 6 марта 1928. – № 5. – С. 5.

⁴³ Слоним Марк. Среди книг и журналов. («Исход к Востоку. Предчувствия и свершения». София, 1921.) // Воля России. – Прага, 29. IX. 1921. – С. 5.

⁴⁴ С. Ю. Волин. Евразийство // Указ. соч. – С. 7, 10.

⁴⁵ Ильин И. Самобытность или оригинальничание // Мир России – Евразия. Антология. – М., 1995. – С. 352.

⁴⁶ Там же. – С. 351–352.

строительства»⁴⁷. По его верному замечанию, в евразийской историософии «подлинным субъектом исторического процесса и становления оказывается как бы территория, – даже не народы. Поэтому история русского народа и растворяется для них в истории Евразии как своеобразной среды и “месторазвития”»⁴⁸.

Но были и положительные отзывы. Историк-медиевист П. М. Бицилли, какое-то время сотрудничавший с евразийскими изданиями, разделял некоторые положения геополитической теории П. Н. Савицкого, при этом критиковал его за «пристрастие к условным речениям, символике»⁴⁹. Он положительно оценивал теорию России-Евразии, в которой, по его мнению, «было схвачено все своеобразие и вся сложность русской национально-имперской проблемы»⁵⁰.

Особо большое значение историк придавал теории двух типов империализма (континентального и океанического) Савицкого. Все эти слагаемые, по его мнению, составляли «чистую идею евразийства, несомненно, соответствующую исторической реальности»⁵¹. Но использовать эту научную идею, геополитику, для подкрепления убедительности политической идеологии Бицилли категорически был против⁵².

Историк-востоковед В. П. Никитин, увлеченный евразийскими идеями, отмечал, что «труд Савицкого о географических особенностях России является одним из достижений переплавки русского сознания в горне революционного становления»⁵³. Никитин полностью разделял евразийское восточничество.

Интересны своей оригинальностью замечания харбинского эмигранта, историка Вс. Н. Иванова по поводу концепции П. Н. Савицкого. В ее ориентализме он находил «асфальт парижских бульваров», считая, что евразийцы «смотрят на Азию оттуда, из Европы»⁵⁴. Иванов расценивал поиски синтеза, «средней линии» между Востоком и Западом, как попытки «искажения силового образа из физики» в исторической реальности⁵⁵. Историк считал, что евразийцам не хватает воли отказаться от «европейской» составляющей своей геософии, что находило отражение в названии этого движения («евразийство», а не «азиатство») и определиться, «к какому же из двух мировых очагов культуры мы чувствуем тяготение»⁵⁶.

Неоднозначно к идеям Савицкого относился идейный вдохновитель «сменовеховства» Н. В. Устрялов. В письме к П. П. Сувчинскому (1926 г.) Николай Васильевич заметил, что «историософские категории евразийства слишком все-таки схематичны, рассчитаны слишком большие сроки и нуждаются в прагматических истолкованиях и дополнениях»⁵⁷. Но геостратегическую концепцию России как «континента-океана» Устрялов разделял⁵⁸. Тогда как

⁴⁷ Флоровский Г. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – С. 259–260.

⁴⁸ Флоровский Г. Евразийский соблазн // Указ. соч. – С. 251.

⁴⁹ Бицилли П. М. Рецензия на кн.: Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Ч. 1. С приложением «Геополитических заметок по русской истории П. Н. Савицкого». – Прага, 1927 // Современные записки. – Париж, 1928. – № 34. – С. 519.

⁵⁰ Бицилли П. М. Два лика евразийства // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – С. 282.

⁵¹ Бицилли П. М. Два лика евразийства // Указ. соч. С. 282.

⁵² Там же. – С. 287.

⁵³ Никитин В. П. Ритмы Евразии // Евразийская хроника. – Вып. IX. – Париж, 1927. – С. 46.

⁵⁴ Письмо В. Иванова – В. П. Никитину // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 79.

⁵⁵ Иванов Вс. Н. Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. – СПб., 2005. – С. 21.

⁵⁶ Там же. – С. 21.

⁵⁷ Письмо Н. В. Устрялова П. П. Сувчинскому // Политическая история русской миграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А. Ф. Киселева. – М., 1999. – С. 204.

⁵⁸ Сергеев С. М. Политическая философия Н. В. Устрялова в контексте русской мысли // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. – Вып. 2. – Калуга, 2007. – С. 105.

Н. А. Бердяев подверг ее критике. По его мнению, евразийцы, выступая за создание замкнутого «обособленного мира» в сущности своей являются «антиевразийцами», поскольку «они хотят, чтобы мир остался разорванным, Азия и Европа разобщенными»⁵⁹.

Особую оценку историко-географической концепции П. Н. Савицкого давали ученые-естественники. Так, Н. М. Могилянский весьма положительно отозвался в своей рецензии на книгу П. Н. Савицкого «Географические особенности России. Часть I. Растительность и почвы», ставя в заслугу «главному евразийцу» попытку систематизировать географию России⁶⁰. Однако настороженно относился к терминологическим нововведениям евразийца. В частности, это касалось России-Евразии. Могилянский полагал, что внутренняя демаркация в «цельном» третьем мире все же существует, проходя по Енисею, а не по Уралу⁶¹. Также и Б. Н. Одинцов отрицал физико-географическую целостность России-Евразии⁶².

Особый предмет для дискуссий в эмигрантской среде составила проблема научной и практической значимости выводов историко-геополитического анализа советской действительности 20—30-х гг. П. Н. Савицкого, связанная с вопросом о политической действительности самого евразийства.

Очень метко был охарактеризован евразийский подход к анализу советской действительности анонимным автором «Последних новостей» в статье «Два лица евразийства», который указывал на то, что евразийство двусмысленно: первый его смысл, «лицо» – это проповедь идеального государства, а маска – это «тактика», которой евразийство прикрывается по отношению к большевистской власти»⁶³.

Большой научный интерес, о котором говорилось выше, П. Н. Милюкова к творчеству П. Н. Савицкого подогревался практическими соображениями. Во-первых, Милюков отмечал заимствование евразийцами масонской тактики Республиканско-Демократического объединения – «обволакивания власти»⁶⁴. Во-вторых, он считал, что некоторые евразийские идеи могут быть популярны «при помощи демагогии» среди русского крестьянства⁶⁵. Кроме того, большую ценность для представителей республиканско-демократического лагеря представляли исследования жизни Советского Союза 1920-1930-х гг. и прогнозы «главного евразийца» на счет ее дальнейшего развития. Так, Е. Д. Кускова, известная масонка, сокрушалась в письме к К. А. Чхеидзе, почему Петр Николаевич не дал в своем докладе, посвященном географии СССР, «ни исторической части, ни более или менее близкого к нашему времени прогноза»⁶⁶.

По поводу практической значимости концепции П. Н. Савицкого А. А. Кизеветтер в 1925 г. высказывался так: «евразийство вовсе не так невинно как кажется с первого взгляда. Со временем из него могут вылупиться чисто практические выводы и действия, далеко не безразличные с точки зрения актуального общественного поведения»⁶⁷.

«Социалистический вестник» также подмечал реальную опасность евразийских идей: «в переходный период оно (евразийство – А. М.) может стать одной из «идеологий бонапар-

⁵⁹ Бердяев Н. А. Евразийцы // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – С. 294.

⁶⁰ Могилянский Н. М. – Савицкий П. Н. Географические особенности России. Часть I. Растительность и почвы. 1927. Евразийское книгоиздательство. Типография «Политика» в Праге // Руль. – Берлин, 2 марта 1927. – С. 4.

⁶¹ Могилянский Н. М. Новый труд по географии России. (П. Н. Савицкий. «Географические особенности России». Часть I. Растительность и почвы: 1927. Евразийское Книгоиздательство. Прага) // Версты. – Париж, 1928. – № 3. – С. 245.

⁶² Одинцов Б. Н. Пределы Евразии // Научные Труды Русского Народного Университета в Праге. – Прага, 1929. – Т. II. – С. 153.

⁶³ Без автора. Два лица евразийства // Последние новости. – Париж, 13 января 1928. – С. 1.

⁶⁴ В. П. Евразийство (доклад П. Н. Милюкова) // Последние новости. – Париж, 8 февраля 1927. – С. 3.

⁶⁵ В. П. Евразийство (доклад П. Н. Милюкова) // Последние новости. – Париж, 8 февраля 1927. – С. 3.

⁶⁶ Письма Кусковой Е. Д. Чхеидзе К. А. // ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.

⁶⁷ Кизеветтер А. А. Евразийство // Мир России-Евразии. Антология. – М., 1995. – С. 321.

тизма» ввиду наличия необходимых для этого «идеологических кадров»⁶⁸. При этом, отмечалось, что, несмотря на «метафизичность» историко-геополитических построений, в политических выводах, лежавших в центре всей евразийской концепции «советизированного фашизма», по замечанию меньшевика Волина, мистики уже не было⁶⁹.

В противоположность либералам и социалистам, Н. В. Устрялов воспринимал евразийство как проявление «философии русской культуры», но не как часть политической идеологии.

Интересны замечания и немецкого геополитика К. Хаусхофера. Он называл евразийцев «закутаннными в шкуру панславизма паназиатами», которые в своей геополитической концепции хотят «внушить русским полный разрыв с Европой»⁷⁰. Хаусхофер рассматривал евразийскую геостратегию как разновидность идеологического конструкта Пан-Идеи.

В этот же период появляются первые работы по историографии евразийства, автором которых был сам П. Н. Савицкий⁷¹.

В целом, для данного этапа развития историографии евразийства характерен критический подход к концепции Савицкого. Отмечалась ее ненаучность в силу идеологической заданности, но, при этом, большая идеологическая сила политической концепции евразийства; несамодостаточность (либо рассмотрение евразийства как продолжения славянофильства с претензией на оригинальность, либо как копирование западных геополитических и идеологических концепций конца XIX – первой трети XX вв.), эклектичность; тюркофильский пафос и восточничество.

Этот период, на наш взгляд, является самым ярким в развитии историографии евразийства, поскольку в исследованиях был представлен подробный анализ евразийского учения, сравнение его положений с западноевропейскими теориями. При этом необходимо иметь в виду, что немаловажную роль при оценке исторической концепции П. Н. Савицкого играла идеологическая позиция исследователей, многие из которых были вовлечены в активную политическую жизнь.

Второй этап – советская историография. Она представлена крайне скудно. В малочисленных работах, посвященных эмиграции, евразийство затрагивалось вскользь и весьма кратко, в негативном ключе⁷². Во второй половине 70-х гг. начинает активней проявляться интерес к истории евразийства, усилившийся в перестроечное время⁷³. Но отдельных работ, посвященных творчеству П. Н. Савицкого, не было. Это обстоятельство объясняется отчасти и тем, что геополитика была дискредитирована немецкой школой. Кроме того, в исследова-

⁶⁸ Волин С. Ю. Евразийство // Указ. соч. – С. 9, 10.

⁶⁹ Там же. – С. 5.

⁷⁰ Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. – М., 2001. – С. 272.

⁷¹ Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство. (Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах) // Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М., 1997; Лубенский С. Евразийская библиография 1921–1931. Путеводитель по евразийской литературе // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. – Париж, 1931; Савицкий П. Н. Идеи и пути евразийской литературы // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сборник трудов евразийцев. – М., 1997. или ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 44.

⁷² Мещеряков Н. О новых построениях русской интеллигенции // Печать и революция. – Кн. 3. – М., 1921.; Иванов Н. Критика марксизма русскими эмигрантами // Против новейшей критики марксизма. – М., Л., – 1929. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. – М., 1967. Комин В. В. Политический и идеологический крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. – Калинин, 1977; Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции 1921–1924 гг. – Л., 1978;

⁷³ Черемисская М. И. Концепция исторического развития у евразийцев // Тез. докл. межвуз. науч. конф. «Совр. пробл. философии истории» (Тарту-Кяэрику). – Тарту, 1979; Исаев И. А. Идеинный крах зарубежного сменовеховства: (о политической программе «евразийства») // Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне: Материалы конференции. – М., 1980; Кошарный В. П. У истоков советской философской науки. – М., 1981; Шишкин Д. П. История евразийства и русский консерватизм второй половины XIX века // Из истории философской мысли России второй половины XIX – нач. XX в. – М., 1984.; Гусева А. В. Концепция русской самобытности у евразийцев: критический анализ. – Л., 1986.

ниях, как правило, содержалось краткое изложение основных, по мнению авторов, положений евразийской исторической концепции, но научный анализ их отсутствовал.

Третий этап – современная историография. Начавшийся с 90-х годов всплеск интереса к евразийской тематике можно объяснить актуализацией проблемы выработки геополитической доктрины для нового российского государства. Большинство авторов сразу же возвели Савицкого в ранг «первого русского геополитика»⁷⁴. Таким образом, из истории отечественной геополитической мысли выбрасывалось столетие.

Лидер «научно геополитического» общественно-политического движения (ОПОД) «Евразия» А. Г. Дугин придает большое значение геополитическому подходу к объяснению исторического процесса. Так, по его мнению, «только евразийский анализ позволяет понять перерождение в патриотическом, этатистском духе марксизма в СССР. Конечно, только евразийская геополитика объясняет поведение Сталина и Брежнева на международной арене»⁷⁵.

Одна из наиболее дискуссионных проблем в исследовании творчества П. Н. Савицкого связана с выявлением истоков его геополитической концепции. В этой связи интересны параллели, которые проводит глава современных неоевразийцев между концепциями западных геополитиков и «россииведением» Савицкого, ставя последнего в один ряд с западными геополитиками: Х. Маккиндером и К. Хаусхофером. Он выявил совпадение их концепций в теории «хартленда» или «сердца земли», «срединной земли»⁷⁶.

А. Г. Дугин и Т. А. Михайлов полагают, что «П. Н. Савицкий с русского полюса выдвигает концепцию, строго тождественную геополитической картине Х. Маккиндера, только «центростремительные импульсы», исходящие из «географической оси истории» приобретают у него четко определенный абрис русской культуры, русской истории, русской государственности, русской территории»⁷⁷. Дугин ставит знак равенства между центральной категорией геософии Савицкого «месторазвитие» и «Raum» («пространство») Ф. Ратцеля, «Grossraum» («большое пространство») К. Шмитта и «Lebensraum» («жизненное пространство») К. Хаусхофера⁷⁸. При этом лидер российского неоевразийства отождествляет евразийское движение с «магистральной линией западного традиционализма, теориями третьего пути Консервативной Революции»⁷⁹. Такой «самобытный» подход вполне созвучен идеям западной историографии. В частности, на схожих позициях стоит немецкий исследователь Л. Люкс и французский историк М. Ларюэль⁸⁰. Люкс полагает, что «идеологические и политические установки евразийцев соответствовали определенным западным влияниям. Даже

⁷⁴ Лавров С. Б. Первый российский геополитик: О научном наследии П. Н. Савицкого // География в школе. – 1998. – № 4; Он же. Евразийство: современность концепции // Естественно-историческая специфика России и русские геополитические концепции. Материалы Всеросс. конф. 15–16 июля 1999 г. – СПб., 1999.; Дугин А. Г. Евразийский триумф // Континент Евразия. – М., 1997. – С. 444.; Очирова Т. Геополитическая концепция евразийства // Общественные науки и современность. – 1994. – № 1. – С. 53; Синякин С. В. Развитие общественно-политической мысли в трудах П. Н. Савицкого. Дис... канд. полит. наук. – Уссурийск, 2002. – С. 70, 158; Полухин А. Н. Историческая концепция П. Н. Савицкого: историко-методологический аспект. Дисс. ...канд. истор. наук. – Томск, 2007. – С.105

⁷⁵ Дугин А. Г. Евразийский триумф // Указ. соч. – С. 450.

⁷⁶ Дугин А. Г. Евразийский триумф // Указ. соч. – С. 445.

⁷⁷ Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1996. – С. 84.; Михайлов Т.А. Эволюция геополитической идеи. – Рига, 1998. – С.166.

⁷⁸ Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1994. – С. 84.

⁷⁹ Он же. Теория евразийского государства // Основы евразийства. – М., 2002. – С.522.

⁸⁰ Люкс Л. Евразийство. // Вопросы философии. – 1993. – № 6; Он же. Россия между Западом и Востоком. – М., 1993; Он же. Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев» // Вопросы философии. – 2003. – № 7; Он же. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. – М., 2002; Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgenössischen Zusammenhang. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 34 (1986), S. 374–395; Он же. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“. Zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und in Deutschland. // Koenen G., Kopelew L. (ред.) Deutschland und die Russische Revolution. 1917–1924. – München, 1998; Ларюэль Марлен. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. – М., 2004.

по духовным устремлениям они были ближе к европейцам, чем к своим соотечественникам»⁸¹. Таким образом, отрицается связь с отечественной общественно-политической и геополитической традицией. На таких же позициях стоят А. Игнатов, В. Сендеров, А. Янов⁸².

При этом, Люкс, выявляя сходство обоих течений (евразийства и консервативной революции) в антизападнических установках, приверженности теории элит, в стремлении к созданию плановой экономики, автаркии, в политической тактике (желании захватить мощную тоталитарную партию изнутри и использовать ее сторонников в собственных целях), – говорит об их параллельном развитии, в том числе, и геополитических школ⁸³. Также, например, авторы коллективной работы «Геополитика: сущность и основы теории» отмечают, что Савицкий близок к французскому геополитику Видалю ла Бланшу (1845–1918), который обосновывал неделимость Франции единством культурного типа⁸⁴. А Л. В. Пономарева, выявила аналогии в концепции «Евразии» Савицкого и теории «Испаниад» Рамиро дэ Маэстру, представителя испанской «консервативной революции» 1930-х гг⁸⁵. Такой подход свидетельствует о «параллелях без соприкосновений»⁸⁶.

Другая группа исследователей, рассматривающих евразийство в контексте общественно-политических течений постверсальского Запада, пытается найти и проследить влияние западной геополитических традиций на творчество П. Н. Савицкого. Так, М. Ларюэль и авторы коллективной монографии «Геополитическое положение России: представления и реальность» безосновательно полагают, что геополитическая концепция евразийцев испытала сильное влияние теории Х. Маккиндера, центральный компонент которой, представление о «хартленде», был «некритически» воспринят Савицким⁸⁷.

Близок к такой точке зрения и И. А. Исаев, который полагает, что, несмотря на то, что евразийцы в своих геополитических рассуждениях в большей степени основывались на национальной почве, в их теориях прослеживается влияние А. де Гобино, О. Шпенглера и Р. Чемберлена. Государственно-правовые же идеи, по мнению исследователя, «носили на себе откровенную печать заимствования»: западные идеи солидаризма и теории элит⁸⁸.

При таком подходе, исследователи, как правило, забывают о том, что геополитическая теория разрабатывалась Савицким еще в годы Гражданской войны, в России.

В этой связи большую ценность представляют работы Н. Н. Алеврас, посвященные исследованию раннего дореволюционного творчества П. Н. Савицкого, в которых закладывались основы будущей евразийской геополитики, разрабатывались проблемы, подготовившие формирование таких коренных евразийских понятий, как «Евразия», «материковое

⁸¹ Люкс Л. Россия между Западом и Востоком. – Сб. ст. – М., 1993. – С. 91.

⁸² Игнатов А. «Евразийство» и поиск новой русской культурной идентичности // Вопросы философии. – 1995. – № 6.; Сендеров В. А. Евразийство – миф XXI века // Вопросы философии. – 2001. – № 4; Он же. Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1995. – № 6; Янов А. После Ельцина. Веймарская Россия. – М., 1995.

⁸³ Люкс Л. Евразийство // Указ. соч. – С. 105–114; Он же. Россия между Западом и Востоком. – М., 1993. – С. 76–91; Он же. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. – М., 2002. – С. 136–161.

⁸⁴ Ткачев В. И., Динес В. А., Всемиров В. В. Геополитика: сущность и основы теории: Учеб. Пособие. – Саратов, 2001. – С. 58.

⁸⁵ Пономарева Л. В. Идеи евразийцев и доктрина «Испаниад» Рамиро дэ Маэстру // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. – М., 1994. – Кн. 1.

⁸⁶ Luks L. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“ zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und in Deutschland. // Указ. соч. – С. 237.

⁸⁷ Ларюэль Марлен. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. – М., 2004. – С. 119; Геополитическое положение России: представления и реальность. – М., 2000. – С. 22.

⁸⁸ Исаев И. А. Геополитические корни авторитарного мышления (исторический опыт евразийства) // Формирование административно-командной системы в 20–30 гг. – Сб. статей. – М., 1992. – С. 136.

хозяйство», обосновывались «проевразийские» идеи восточной геополитической ориентации российского развития»⁸⁹.

С другой стороны, ряд исследователей указывают на преемственность русской историко-славянофильской и почвеннической традиции, ее критического переосмысления в теории П. Н. Савицкого⁹⁰. Т. А. Андреева, вслед за П. Н. Милюковым, прослеживает влияние народнических утопических идей на социально-политический аспект исторических воззрений Савицкого⁹¹.

А. П. Полухин в своей диссертации высказывает противоположную точку зрения, отмечая, что концепция Савицкого на раннем этапе творчества «была связана с почвенничеством и не имела первоначально преемственности с народничеством и славянофильством»⁹². Н. Ю. Степанов и Ю. В. Линник усматривают в теории месторазвития и концепции «номогенетического развития мира» влияние учения о ноосфере В. И. Вернадского⁹³. А. С. Панарин – влияние традиций русской религиозной философии всеединства и натурфилософии в лице В. В. Докучаева⁹⁴. А польский исследователь Л. Суханек отмечает воздействие идей Н. В. Гоголя, А. Григорьева и Ф. М. Достоевского⁹⁵.

Третий подход предлагают авторы работы «Геополитическое положение России: представления и реальность», которые рассматривают евразийскую геополитику как «скоропалительный сплав западных геополитических концепций начала XX века и идей русских славянофилов конца XIX – начала XX вв.»⁹⁶.

Историософские, методологические основы историко-геополитической концепции Савицкого среди исследователей единодушно квалифицируются как локально-цивилизационный подход или «концепция цивилизационного развития с ярко выраженной геополитической направленностью»⁹⁷. В этой связи С. Ключников отмечает, что идея о зависимости

⁸⁹ Алеврас Н. Н. – Г. В. Вернадский и П. Н. Савицкий: историки евразийской концепции // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III международная научная конференция. – Тез. Докл. Ч. I. – Челябинск, 1995. – С. 124; Она же. Россия и Восток в концепции евразийцев // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Тезисы докладов и сообщений к международной научной конференции. – Уфа, 1993; Она же. Начала евразийской концепции в раннем творчестве Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого // Вестник Евразии. – 1996. – № 1 (2)

⁹⁰ Дурновцев В. И. Предисловие к публикации статьи П. Н. Савицкого «Геополитические заметки по русской истории» // Вопросы истории. – 1993. – № 11–12. – С. 121; Кулешов С. В. Жизнь и судьба П. Н. Савицкого. // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 145; Кожин В. Историософия евразийцев // Наш современник. – 1992. – № 2. – С. 140; Хачатурян В. М. Историософия евразийства // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 44–46. Антощенко А. В. Споры о евразийстве // О Евразии и евразийстве (библиографический указатель). – Петрозаводск, 1997. – С. 7–43. Он же. Идеолог евразийства П. Н. Савицкий о культуре России (о соотношении природы, общества и личности в концепте «месторазвитие Евразия») // Universitas: Наука в контексте современной культуры. – СПб., 2001. – С. 159; Алексеева И. В., Зеленев Е. И., Якунин В. И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом. – СПб., 2001. – С. 218, 222; Новикова Л. И., Сиземская И. Н. Введение. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – С. 4–15. Они же. Евразийский искус // Мир России – Евразия. Антология. – М., 1995. – С. 6–11.; Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. – М., 1997. – С. 29; Волгогонова О. Д. Евразийство: эволюция идеи // Вестник МГУ. – Сер. 7. Философия. – 1994. – № 4. – С. 26–43.; Исаев И. А. Геополитические аспекты тоталитарности: евразийство // Тоталитаризм как исторический феномен. – М., 1989. – С. 205–208.

⁹¹ Андреева Т. А. Место и роль интеллигенции в евразийской концепции // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III международная научная конференция. Тез. Докл. Ч. I. – Челябинск, 1995. – С. 127.

⁹² Полухин А. Н. Историческая концепция П. Н. Савицкого: историко-методологический аспект. Дисс. ... канд. истор. наук. – Томск, 2007. – С. 172.

⁹³ Линник Ю. В. Евразийцы // Север, 1990. № 12. С. 138–141; Степанов Н. Ю. Идеология евразийства: П. Н. Савицкий (1895–1986) // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 159.

⁹⁴ Панарин А. С. Пределы философской культуры и пути российской цивилизации. // Цивилизации и культуры Научный альманах. – Вып. 3. – М., 1996. – С. 53–55.

⁹⁵ Суханек Л. Россия и Европа. Евразийство: предшественники и продолжатели // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 182.

⁹⁶ Геополитическое положение России: представления и реальность/ Под ред. Колосова В.А. – М., 2000. – С. 8.

⁹⁷ Хачатурян В. М. Историософия евразийства // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С.

цивилизации от географического ареала, в котором она развилась, была весьма распространенной и давно известной. Ее можно встретить в трудах того же Й. Гердера, О. Шпенглера, западника В. О. Ключевского и многих других авторов⁹⁸.

М. Г. Вандалковская также отмечает обращенность евразийской теории к русской историографической традиции, но прослеживает связь и с западными идейными течениями⁹⁹. Большой интерес для исследования творчества П. Н. Савицкого составляет представленная в ее работах полемика П. Н. Милюкова с евразийской концепцией истории¹⁰⁰.

М. Г. Вандалковская провела комплексный анализ евразийской исторической концепции, исследовав центральные ее компоненты: месторазвитие, теория исторических циклов. По ее мнению, разделяемому некоторыми исследователями, «геополитическая тема – иллюзия основополагающей стороны евразийской теории»¹⁰¹.

Однако в историографии имеется противоположное мнение о том, что геополитика выступала в исторической концепции П. Н. Савицкого в качестве основополагающего элемента, что «пространственная координата выступала в качестве системообразующего фактора в его исследовательской программе»¹⁰².

В диссертации А. П. Полухина геополитический аспект теории Савицкого рассматривается в ином значении, как частность, «отдельная проблема», а категория «месторазвитие» – как «квинтэссенция междисциплинарного подхода». Автор считает ее более широкой, нежели сама проблема геополитики как подхода к истории¹⁰³. При этом отмечается, что в методологическом плане фактор геополитики у П. Н. Савицкого являлся продолжением теории районирования, принципа нахождения параллелизмов и был примером конвергентности¹⁰⁴.

Относительно значения самой историко-геополитической концепции П. Н. Савицкого мнения также разнятся. О. Д. Волкогонова отмечает, что ценность евразийского подхода заключалась в попытке ввести геополитический фактор в свой прогноз исторического будущего¹⁰⁵. А. В. Антощенко и И. А. Исаев, исследуя «периодическую систему ритмов» истории геополитической концепции Савицкого, считают ее адекватной только для современной евразийцам действительности, поскольку природа и общество подвержены изменениям¹⁰⁶.

Исследователи И. А. Исаев, Н. А. Омельченко подмечают, что советская идеология «геополитического изоляционизма» (т. е. «социализм в одной стране») была родственна

47; Алексеева И. В., Зеленов Е. И., Якунин В. И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом. – СПб., 2001. – С. 218; Банных С. Г. Географический детерминизм от Л. Мечникова до Л. Гумилева. – Екатеринбург, 1997. – С. 79; Ерасов Б. С. Россия и Восток (геополитика и цивилизационные отношения) // Цивилизации и культуры Научный альманах. – Вып. 3. – М., 1996. – С. 18.

⁹⁸ Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. – М., 1997. – С. 34.

⁹⁹ Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: Евразийский соблазн. – М., 1997. – С. 87–89, 96, 99.

¹⁰⁰ Вандалковская М. Г. – П. Н. Милюков в полемике с евразийской концепцией русской истории // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. – 26–27 мая 1999. – М., 2000.

¹⁰¹ Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: Евразийский соблазн. – М., 1997. – С. 82. Алексеева И. В., Зеленов Е. И., Якунин В. И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом. – СПб., 2001. – С. 216.

¹⁰² Кошарный В. П. Евразийство как объект междисциплинарного синтеза // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 1994. – № 4. – С. 9–11; Очирова Т. Геополитическая концепция евразийства // Указ. соч.; Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1996.; Он же. Евразийский триумф // Указ. соч.; Лавров С. Б. Первый российский геополитик: О научном наследии П. Н. Савицкого // Указ. соч.; Михайлов Т. А. Указ. соч.

¹⁰³ Полухин А. Н. Историческая концепция П. Н. Савицкого: историко-методологический аспект. Дисс. на канд. истор. наук. – Томск, 2007. С. 64–134, 175.

¹⁰⁴ Там же. – С. 108.

¹⁰⁵ Волкогонова О. Д. Евразийство: эволюция идеи // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия, – 1994. – № 4. – С. 41.

¹⁰⁶ Антощенко А. В. Идеолог евразийства П. Н. Савицкий о культуре России (о соотношении природы, общества и личности в концепте «месторазвитие Евразия») // Universitas: Наука в контексте современной культуры. – СПб., 2001. – С. 180; Исаев И. А. Геополитические корни авторитарного мышления (исторический опыт евразийства) // Формирование административно-командной системы в 20–30 гг. Сб. статей. – М., 1992. – С. 142.

евразийским представлениям об особенностях России-Евразии¹⁰⁷. Здесь они следуют логике немецкого исследователя 1960-х гг. О. Босса¹⁰⁸. При этом Босс говорил об идеологической детерминированности исторических построений евразийцев, проявляющейся, в частности, в стремлении рассматривать русскую историю только в ее связи с революцией 1917 г., которая изолировала «большевистский континент» и приблизила его руководителей к отысканию своего самостоятельно историко-эмпирического знания¹⁰⁹.

Такое представление об идеологической сущности геополитических построений евразийцев разделяет И. А. Исаев. Исследователь считает, что главным пунктом всех идеологических программ евразийства являлся вопрос о власти, а «география, территория, почва – вот те факторы, определяющие все особенности этой идеологии, но не ее существо, которое заключается в консервативной политической ориентации», идея-правительница была мифом, стимулировавшим активность масс¹¹⁰. Близкие позиции прослеживаются и в диссертации В. Ю. Быстрыкова, верно заметившего, что «научные взгляды П. Н. Савицкого нельзя рассматривать в отрыве от его общественно-политической деятельности»¹¹¹.

В противоположность такому подходу в диссертации С. В. Игнатовой рассмотрение геософской концепции Савицкого сводится к сугубо культурологическим и философским аспектам¹¹².

Авторы коллективной монографии «Геополитическое положение России: представления и реальность» рассматривают евразийскую геополитику как форму идеологии, которая в объяснении сложнейших явлений ссылалась на «данные от Бога» и вечно неизменные особенности географии и культуры страны¹¹³. В этой связи евразийская внешнеполитическая концепция ставится в один ряд с панславизмом и западной империалистической геополитикой.

В современной историографии продолжают споры в русле тех, что велись в Русском Зарубежье 20–30-х гг. XX в. – о значении евразийства. Снова возродился «антиевразийский фронт». Так, наиболее яркие его представители: Н. А. Нарочницкая и К. Г. Мяло полагают, что «антиатлантическая версия евразийства служит прикрытием стремления подменить русскую идею и православную вселенскость их антиподом – этноландшафтным мистицизмом, язычеством с претензией на универсализм, смесью космополитизма и фашизма, украшенной риторикой западноевропейской геополитической школы географического детерминизма»¹¹⁴. По мнению Н. А. Нарочницкой, П. Н. Савицкий преувеличивал политическую и геополитическую миссию России после революции¹¹⁵. Историк разделяет критические замечания Н. А. Бердяева о том, что евразийская философия истории есть чистый натурализм¹¹⁶.

¹⁰⁷ Исаев И. А. Геополитические корни авторитарного мышления (исторический опыт евразийства) // Формирование административно-командной системы в 20–30 гг. Сб. статей. – М., 1992. С. 137. Омельченко Н. А. В поисках России (общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизм в будущих судьбах российской государственности). – СПб., 1996. – С. 139–177.

¹⁰⁸ Босс О. Учение евразийцев (глава из книги) (перевод Н. А. Никоновой, А. А. Троянова) // Начала. – 1992. – № 4.

¹⁰⁹ Босс О. Учение евразийцев (глава из книги) (перевод Н. А. Никоновой, А. А. Троянова) // Там же. – С. 91.

¹¹⁰ Исаев И. А. Геополитические корни авторитарного мышления (исторический опыт евразийства) // Формирование административно-командной системы в 20–30 гг. Сб. статей. – М., 1992. – С. 133, 139.

¹¹¹ Быстрыков В. Ю. Общественно-политическая и научная деятельность Петра Николаевича Савицкого в годы эмиграции (1920–1938 гг.): Дис... канд. ист. наук. – Самара, 2003. – С. 182.

¹¹² Игнатов С. В. Историко-философский анализ евразийского учения. Автореф. дис... канд. филос. наук. – М., 1995.

¹¹³ Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. Колосова В. А. – М., 2000. – С. 8.

¹¹⁴ Нарочницкая Н. А., Мяло К. Г. Ещё раз о «евразийском соблазне» // Наш современник. – 1995. – № 4. – С. 133.

¹¹⁵ Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2003. – С. 103.

¹¹⁶ Там же. – С. 105.

В. Д. Жигунин отмечает, что историко-географический горизонт евразийцев «замыкался почти исключительно на географической горизонтальной оси «Западная Европа – Россия (Евразия) – «собственно» Азия»¹¹⁷.

С другой стороны, появились и защитники евразийской концепции. Как правило, эти авторы разделяют евразийские убеждения и геополитическую концепцию как антиглобалистскую доктрину и «идеологему собственной исторической миссии России», причисляя себя к «неоевразийцам». Среди них В. В. Кожин, Б. С. Ерасов, А. С. Панарин, Ф. М. Гиренок, С. Б. Лавров, Бе Гю Сонг, Абдуразаков Р. А и др.¹¹⁸

И. В. Зеленева полагает, что «евразийский геоисторический подход приблизил к пониманию важной роли имперской формы управления обширными территориями и многочисленными народами их населяющими»¹¹⁹. В ее трактовке евразийцы выступают своеобразными предтечами популярной в современной историографии империологии¹²⁰. Так, А. Каппелер, следуя евразийской логике, отмечает, что борьба за наследие Золотой Орды, как проявление своеобразной геополитической преемственности в построении российской империи превалировала над идеологическими установками, связанными с идеей «Третьего Рима»¹²¹. Британский историк Д. Ливен изучает специфику построения российской империи как сухопутной-авторитарной, сравнивая ее с морской-либеральной Великобританией¹²².

Оригинальный подход к геополитике евразийцев содержится в диссертации О. Н. Шумаковой¹²³. Взяв за аксиому принцип экспансионизма Ф.Ратцеля, исследователь полагает, что основное противоречие евразийских построений заключается в «кардинальном разведении народной колонизации и имперской экспансии», как попытки оправдания методов объединения Российской империи»¹²⁴.

Характеризуя общее состояние современной историографии изучаемого вопроса, необходимо отметить ее яркую политизированность, категоричность в оценках. Сегодня, как и в первые десятилетия XX века, евразийская концепция исторического развития России и евразийская геополитика рассматривается с двух полюсов: либо с полюса не критического восприятия и полной апологии, либо с полюса принципиального неприятия, характерного, в большей степени, для либералов-западников. Оба подхода обнаруживают недостаток научной объективности.

¹¹⁷ Жигунин В. Д. Категория «евразийство»: географический и исторический аспекты // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III международная научная конференция. Тез. Докл. Ч. I. – Челябинск, 1995. – С. 112.

¹¹⁸ Ерасов Б. С. Россия и Восток (геополитика и цивилизационные отношения) // Цивилизации и культуры Научный альманах. Вып. 3. – М., 1996; Кожин В. Историософия евразийцев // Наш современник. – 1992. Он же. Евразийская концепция русской истории // Евразия. – 1997. – № 1–2; Панарин А. С. Западники и евразийцы // Общественные науки и современность. – 1993. – № 6; Он же. Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 3–48; Он же. Расколы и синтезы: конкурс цивилизационных проектов в Евразии // Панарин А. С. «Вторая Европа» или «третий Рим»? – М., 1996. – С. 90–126; Гиренок Ф. М. Евразийские тропы // Глобальные проблемы и перспективы цивилизации: (Феномен евразийства). – М., 1993. – С. 162–179; Он же. Новые дикое // Евразийская перспектива. – М., 1994. – С. 197–208. Бе Гю Сонг. Концепция евразийства в России: истоки и современность. // Дис. ... канд. полит. наук. – М., 1997. Абдуразаков Р. А. Евразийство как одна из внешнеполитических концепций суверенной России. – Махачкала, 1998; Казарян Л. Г. Россия-Евразия – мир. Сверка понятий: цивилизация, геополитика, империя // Цивилизации и культуры Научный альманах. Вып. 3. – М., 1996. – С. 103–106; Беговатов А. И., Козырева Л. Д. Россия как Евразия: идеология и геополитика. – СПб., 1995.

¹¹⁹ Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). – СПб., 2005. – С. 8.

¹²⁰ Там же. С. 8.

¹²¹ Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. – М., 2004.

¹²² Ливен Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. – М., 2004. – С. 71–73, 80, 91.

¹²³ Шумакова О. Н. Геополитические аспекты теории евразийцев. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 1996.

¹²⁴ Там же. – С. 18.

Поскольку евразийство сегодня популярно среди первых лиц государства и рассматривается, чуть ли, не как национальная геополитика России, ряд авторов используют авторитет геополитической концепции П. Н. Савицкого для построения собственных историко-геополитических имперских теорий, не утруждая себя глубоким анализом идей классика¹²⁵.

Часто сбрасываются со счетов и политические позиции Савицкого, что очень важно при анализе формирования исторической концепции.

Рассматривая генезис евразийской концепции Савицкого, нередко в весьма широком контексте отечественной и зарубежной общественно-политической мысли, исследователи игнорируют историю отечественной геополитической мысли. В результате, одной из самых распространенных точек зрения в современной историографии, является позиция, что увлечение Савицкого геополитикой являлось данью своеобразной политической моде, возникшей в 1920-х гг. на Западе¹²⁶. Представления об «оплодотворении» его теории доктринами западных ученых; прежде всего, увлечении противоречащим православной культуре «геополитическим натурализмом», являются удобными для рассмотрения евразийства в зеркале Консервативной Революции.

Кроме того, незнание специфики отечественной геополитики, сужает круг исследовательских интересов, направляя их только в область внешнего пространства, что было характерно для западной традиции. Геополитика «внутреннего пространства» (проблема социально-экономической, административно-территориальной, политической и культурной организации империи) как органическая часть историко-геополитической концепции России-Евразии игнорируется.

Историческая концепция Савицкого рассматривается в проблемно-методологическом, философском ключе, но в отрыве от исторической конкретики XX века.

Значительная часть исследований носит повествовательный характер, в них пересказываются основные положения теории П. Н. Савицкого. Но по сравнению с первой половиной 90-х, таких работ сегодня меньше.

До сих пор не изучен огромный пласт творчества П. Н. Савицкого, посвященный анализу внутреннего исторического развития нашей страны, конкретизированный им применительно к реалиям современной ему советской действительности 1920—1930-х гг. До сих пор отсутствуют работы, в которых был бы полностью проанализирован фонд Савицкого (Р-5783 ГАРФ), представляющий большое научное значение для комплексного изучения избранной проблемы.

Учитывая имеющиеся лакуны, в данном исследовании привлечена широкая источниковая база по изучению идейного наследия П. Н. Савицкого, разработанной им геополитической концепции исторического развития России первой трети XX века.

Научная новизна монографии состоит в комплексном исследовании геополитической концепции исторического развития России первой трети XX века, разработанной П. Н. Савицким. Идеи Савицкого анализируются в контексте развития отечественной и западной геополитической мысли. В данной книге представлен отличный от распространенного

¹²⁵ Цымбурский В. Л. Земля за Великим Лимитрофом: От «России – Евразии» к «России в Евразии» // Бизнес и политика. – № 9. – 1995.; Он же. Остров Россия: перспективы российской геополитики // Полис. – 1993. – № 5. – С. 6—23; Он же. Две Евразии: ономимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Евразия. Люди и мифы. – М., 2003; Дугин А. Г. Евразийство: от философии к политике. Доклад на Учредительном съезде ОПОД «Евразия» (21 апреля 2001 г. Москва) // Основы евразийства. – М., 2002; Он же. КИРФ и евразийство // Там же.; Он же. Мыслить пространством // Основы геополитики. – М., 2000. – С. 583–914; Он же. Основные принципы евразийской политики // Основы евразийства. – М., 2002.

¹²⁶ Ларюэль Марлен. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. – М., 2004. – С. 119; Ерасов Б. С. Россия и Восток (геополитика и цивилизационные отношения) // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 3. – М., 1996. – С. 19; Шумакова О. Н. Геополитические аспекты теории евразийцев. Автореф. дис... канд. полит. наук. – СПб., 1996. – С. 14. Синякин С. В. Развитие общественно-политической мысли в трудах П. Н. Савицкого. Дис... канд. полит. наук. – Уссурийск, 2002. – С. 174.

в современной историографии подход к самой евразийской геополитике. Она рассматривается не только как метод познания и объяснения внешней политики и контуров пространства, именуемого Россией-Евразией, но и внутренних закономерностей его социально-экономической, политической и культурной организации.

В монографии Савицкий представлен как не только теоретик евразийства, но и как главный его политический идеолог. Такой подход позволил по-новому взглянуть на геополитическую концепцию исторического развития России П. Н. Савицкого как на сочетание научной системы и политической идеологии.

Впервые поднимается проблема эволюции евразийского национал-большевизма и евразийского «идеократического» масонства. Рассматривается проблема формирования основ пореволюционной идеологии Савицкого еще в годы гражданской войны.

При подготовке книги был впервые исследован весь фонд П. Н. Савицкого в ГАРФе (526 дел по первой описи). Выявлены неизвестные ранее псевдонимы Савицкого. Установлено авторство некоторых работ, ранее оспариваемое в историографии.

Впервые введены в научный оборот многие источники из фонда Савицкого, а также из фондов К. А. Чхеидзе, С. Г. Пушкарева и других фондов ГАРФа. Представлены выдержки из следственного дела Савицкого, хранящегося в ЦА ФСБ России.

Источниковую базу исследования составляют как опубликованные, так и неопубликованные материалы.

Опубликованные источники представлены:

1. Произведениями П. Н. Савицкого. К ним относятся:

– Отдельные научные работы П. Н. Савицкого, изданные в годы Гражданской войны и в эмиграции¹²⁷. В них затрагивалась широкая геополитическая проблематика: вопросы типологизации и характеристики империй; вопросы применительно к организации внутреннего пространства российского государства с точки зрения экономической и географической рациональности, геостратегические рекомендации для континентальной Российской империи. В работе «Очерки международных отношений» заложены основы концепции России-Евразии и будущей пореволюционной идеологии евразийства. – научные и публицистические статьи П. Н. Савицкого: дореволюционного периода¹²⁸; работы, выходившие в эмигрантской печати, евразийских сборниках¹²⁹, а также – особую группу составляют про-

¹²⁷ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений. – Екатеринбург, 1919. (или в кн.: Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 382–398); Он же. Россия – особый географический мир. – Прага, 1927; Он же. Географические особенности России. Ч. I. Растительность и почвы. – Прага, 1927; Он же. Месторазвитие русской промышленности. – Берлин, 1932. – Вып. 1: Вопросы индустриализации; Он же. Разрушающие свою родину: (Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). – Берлин, 1936; Он же. Гибель и воссоздание неопределимых сокровищ: Разрушение русского зодческого наследия и необходимость его восстановления. – Прага, 1937; Он же. О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского). – Б.м., 1928. (или Савицкий П. Н.: Континент Евразия. – М., 1997. – С. 342–370).

¹²⁸ Савицкий П. Н. Борьба за империю. Империализм в политике и экономике // Русская мысль. – 1915. – № 1 и 2; Он же. К вопросу о развитии производительных сил // Русская мысль. – 1916. – № 3; Он же. Проблема промышленности в хозяйстве имперской России // Русская мысль. – 1916. – № 11.

¹²⁹ Савицкий П. Н. Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. Н. С. Трубецкого «Европа и Человечество») // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. I–II (или // Савицкий П. Н.: Континент Евразия. М. 1997); Он же. Поворот к Востоку // Исход к Востоку. – София, 1921. (// Савицкий П. Н. Континент Евразия...); Он же. Миграция культуры // Исход к Востоку. София, 1921. (// Исход к Востоку. М., 1997); Он же. Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Исход к Востоку. София, 1921. (// Савицкий П. Н. Континент Евразия...); Петроник (псевд. П. Н. Савицкого). Идея Родины в советской поэзии // Русская мысль. София, 1921. Кн. I–II.; Наблюдатель (псевд. П. Н. Савицкого) Народившийся патриотизм // Русская мысль. София, 1921. Кн. I–II.; Савицкий П. Н. Хозяйство и вера // Руль. Берлин, 5 ноября 1921. № 295; Он же. Дела и призраки (ответ г. Григорию Ландау) // Руль. Берлин, 3 февр. 1922 № 370; Он же. Два мира // На путях. Утверждение евразийцев. Берлин, 1922. (// Савицкий П. Н. Континент Евразия...); Он же. Степь и оседлость // На путях... (// Савицкий П. Н. Континент Евразия); Он же. Подданство идеи // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3 (// Савицкий П. Н. Континент Евразия...); Он же. Производительные силы России // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3; Он же. Материалы по сельскохозяйственной эволюции России // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. II.; Он же. Евразийство // Евразийский временник.

граммные документы и манифесты евразийского движения, в создании которых активное участие принимал П. Н. Савицкий, являясь, в большинстве случаев, их автором. Они характеризуют его как политического идеолога евразийства¹³⁰.

– переписка Савицкого с участниками евразийского движения и представителями общественно-политических движений Русского Зарубежья¹³¹.

– 2. Произведениями отечественных и зарубежных экономистов, историков и геополитиков XIX – начала XX вв., а также советских ученых-естественников. Данная группа источников представляет особое значение, поскольку связана с проблемой формирования взглядов Савицкого как геополитика и историка¹³².

Берлин, 1925. Кн. 4. (//Русский узел евразийства. М., 1997); Он же. Хозяин и хозяйство // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. (//Савицкий П. Н. Континент Евразия...); Савицкий П. Н. О евразийской литературе // Славянская книга. 1926. Кн. 4–5; Он же. Великороссия и Украина // Родное слово. Варшава, 1926 № 8; Он же. Геополитические заметки по русской истории П. Н. Савицкого // Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Ч. I. Прага, 1927. (// Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб., 2000); Он же. К вопросу о государственном и частном начале в промышленности. (Россия XVIII–XX веков) // Евразийский временник. Париж, Кн. 5. 1927.; Он же. К проблеме индустриализации // Евразийская хроника. Париж. Вып. X. 1928; Он же. Газета «Евразия» не есть евразийский орган. 5/18 января 1929 г. // Алексеев Н. Н., Ильин В. Н., Савицкий П. Н. О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган). Париж, 1929; Он же. Проблемы лингвистической географии с точки зрения географа // Труды Пражского Лингвистического кружка. Прага, 1929. № 1; Он же. Житие протопопа Аввакума как географический первоисточник // Научные труды Русского народного университета в Праге. Естествознание. Т. II. Прага, 1929; Он же. Главы из «Очерка географии России» // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж, 1931; Логовиков П. В. (псевд. П. Н. Савицкого) Научные задачи евразийства // Там же; Логовиков П. В. Власть организационной идеи // Там же; Савицкий П. Н. Из прошлого русской географии. Периодизация истории русских открытий // Научные труды Русского народного университета в Праге. Естествознание. Т. IV. Отдельный оттиск. Прага, 1931. С. 291. или (черновик) // ГА РФ Ф. 5783. Оп. 1. Д. 47; Он же. Оповещение об открытии (Евразия в лингвистических признаках) // Евразия в свете языкознания: Сб. ст. Прага, 1931; Он же. В. В. Бартольд как историк // Сборник статей по археологии и византиноведению. Прага, 1931 (//Савицкий П. Н. Континент Евразия...); Он же. Пятилетний план и хозяйственное развитие страны // Новый град. Париж, 1932. № 5. или // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. М. 1999; Востоков П. (псевд. П. Н. Савицкого). Несколько слов о русских географических открытиях последних лет // Свой путь. Кохтла-Ярве, 1932. № 3 (7); Савицкий П. Н. Сказания иностранцев о Сибири (историко-географические заметки) // Научные труды Русского народного университета в Праге. Т. V. Прага, 1933; Он же. Очередные вопросы экономики Евразии // Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика. Обзоры. Нарва, 1933; Он же. «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории // Евразийская хроника. Берлин, 1935. Вып. XI; Он же. Оборона России и эмиграция // Самобытность и независимость Отечества – превыше всего. Б. м., 1936.; Он же. Ритмы монгольского века // Евразийская хроника. Берлин, 1937. Вып. XII. С. 104–155; Он же. Россия и эмиграция. (Культурно-историческая проблематика момента) // Новый Град. Париж, 1938. № 13.

¹³⁰ Предчувствия и свершения (Предисловие к сборнику «Исход к Востоку») // Основы евразийства. М., 2002 (впервые опубликовано в Софии, 1921 г.); Евразийство: Опыт систематического изложения. Париж, 1926 (//Основы евразийства. М., 2002); Евразийство: Формулировка 1927 года. Прага, 1927 (// Основы евразийства. М. 2002); Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932.

¹³¹ Ещё о национал-большевизме: Письмо П. Н. Савицкого П. Б. Струве // Савицкий П. Н. Континент Евразия... Письмо П. Н. Савицкого – И. А. Ильину, 1925 г. // Вопросы философии. 1994. № 10; Открытое письмо П. Н. Савицкого – В. Н. Ильину // Евразийская хроника. Берлин, 1935. Вып. XI. С. 101–102; Письмо в редакцию «Пути» П. П. Сувчинского, Л. П. Карсавина, Г. В. Флоровского, П. Н. Савицкого, кн. Н. С. Трубецкого, В. Н. Ильина и ответ кн. Г. Н. Трубецкого // Путь. Орган русской религиозной мысли. 1992. Кн. I. (I–VI); Письмо П. Н. Савицкого – Ф. И. Успенскому, 1 мая 1928 г. // Славяноведение, 1992. № 4.; Письма П. Н. Савицкого – Л. Н. Гумилеву (1956–1966) // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993; Письмо П. Н. Савицкого – М. Н. Эндену, 1924 г. // Русский узел евразийства...; Письмо П. Н. Савицкого – С. Н. Булгакову, 30.XII 1924/ 12.I 1925 // Там же; Письмо П. Н. Савицкого в редакцию «Курьер-Порам», Прага, 19.VIII.1925 // Там же; Письмо П. Н. Савицкого – Эдуарду Оттовичу. 22.V.1926 // Там же; Письмо П. Н. Савицкого – Н. Г. Беляеву, 1926 // Там же; Письмо П. Н. Савицкого – Н. С. Трубецкому, 1927 // Там же; Письмо П. Н. Савицкого от 20 ноября 1928 г. членам евразийской редакционной коллегии по поводу представленной к напечатанию в газете «Евразия» статьи «Революция и власть» (опубликована в № 8-ом от 12 января 1929). // Алексеев Н. Н., Ильин В. Н., Савицкий П. Н. О газете «Евразия»: Газета «Евразия» не есть евразийский орган. Париж, 1929. Письмо П. Н. Савицкого к П. П. Сувчинскому (1957) // Русская история. 2008. № 1–2, С. 103–104.

¹³² Милютин Д. А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики (1846) // Русский геополитический сборник, 1996. № 2.; Аксаков И. С. Где границы государственному росту России (1884) // Русский геополитический сборник, 1998. № 3. Он же. Всемирно-историческое призвание России (1884) // Там же; Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995. Он же. К познанию России. СПб., 1912.; Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг. 1916; Он же. Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991; Леонтьев К. Н. Территориальные отношения // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / Составитель Л. Н. Шишелина. М., 2007; Карцов Ю. С. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней поли-

Ввиду того, что термин «геополитика» был введен в научный оборот только в 1916 г. Р. Челленом (1846–1922), а геополитическая проблематика начала разрабатываться гораздо раньше, с появлением первых империй нового времени, то к геополитикам мы относим тех авторов, которые рассматривали проблемы генезиса империй, взаимоотношения пространства и государства, определения стратегии внешней политики государства с учетом его ресурсов и национальной безопасности. Как правило, это были профессиональные историки, географы (по большей части, антропогеографы) военные стратеги.

К этой группе источников можно отнести работы П. Б. Струве, Н. В. Устрялова и евразийских авторов, которые повлияли на формирование политических воззрений и концептуальных взглядов П. Н. Савицкого¹³³. А также произведения, в которых отражается воздействие идей самого Петра Николаевича как главного теоретика евразийства и основоположника евразийской геополитической школы¹³⁴.

Основу данной работы составляют материалы Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ) и Центрального Архива Федеральной Службы Безопасности России (ЦА ФСБ России).

Были использованы следующие фонды ГАРФА: личные фонды П. Н. Савицкого, К. А. Чхеидзе, П. Б. Струве, С. Г. Пушкарева; фонды русских университетов и институтов в Праге, где преподавал П. Н. Савицкий (фонд Русского Народного Университета в Праге, Русского Юридического факультета), а также фонд Русского Совета при Главнокомандующем Русской Армией П. Н. Врангеле.

тики вообще и в применении к России). СПб., 1908; Он же. Внешняя политика как стимул народного хозяйства. СПб., 1905; Крубер А. А. Антропогеография. Вып. I. Курс, читанный в 1913–1914 гг. по запискам слушательниц. М., 1914. Вандам Е. А. Наше положение // Е. А. Вандам. Геополитика и геостратегия. М., 2002; Он же. Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свет высшей стратегии) // Там же; Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906; Он же. Афганистан // Русский геополитический сборник, 1996 № 1.; Он же. Военная география России (часть общая). Изд. 2-е. СПб.: тип. Газ. «Голос правды», 1910; Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к территории России // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / Составитель Л. Н. Шишелина. М., 2007; Танфильев Г. И. География России. Одесса, Ч. 1. 1916; Ч. 2, Вып. 2: Рельеф Азиатской России. – 1923.; Дусинский И. И. Геополитика России. М., 2003; Фатеев А. Н. Введение в геополитику славянства // Научные труды Русского народного университета в Праге. Т. V. Прага, 1933; Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб. 1903; Он же. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925 г.; Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь. М., 1936; Он же. К учению о зонах природы // Почвоведение. СПб., 1904; Берг Л. С. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей // Берг Л. С. Труды по теории эволюции. 1922–1930. Л., 1977; Алехин В. В. Растительность СССР в основных зонах // Вальтер Г., Алехин В. Основы ботанической географии. М.-Л., 1936; Ратцель Ф. Земля. 24 общедоступных беседы по общему землеведению. М., 1882; Он же. Народоведение. Т. I. СПб., 1901; Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М.-СПб., 2002; Он же. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. В 2 т. 1802–1812. М.-СПб., 2002; Хэлфорд Джордж Макиндер «Географическая ось истории» // Элементы. Евразийское обозрение, 1995. № 7; К. Шмитт. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря (Пер. с немецкого А. Д.) // Элементы, 2000 № 8; Он же. Политическая теология. М., 2000; К. Хаусхофер. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет М. 2001; Он же. Границы в их географическом и политическом значении. // Там же; Он же. Континентальный блок: Центральная Европа, Евразия, Япония. // Там же; Челлен Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства. // Полис, 2005. № 2; Он же. Государство как форма жизни. М, 2008.

¹³³ Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России // Струве П. Б. *Patriotica*: Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000; Он же. Россия // Струве П. Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997; Он же. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубин: Сб. ст. о русской революции. М., 1990; Устрялов. Н. В. Национал-большевизм., М. 2003; Садовский Я. Д. Оппонентам евразийства. // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923; Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София, 1921.

¹³⁴ Чхеидзе К. А. Лига Наций и государства-материки // Евразийская хроника. Вып. VIII. Париж, 1927; Он же. Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. 7. Париж, 1931; Никитин В. П. Иран, Туран и Россия // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927; Он же. Ритмы Евразии // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927; Он же. Мы и Восток // Евразия. Париж, 1928. № 1, 2; Он же. Наш континентализм // Евразия. 1929. Париж, № 17; Антипов А. П. Идеократический ведущий слой и хозяйство // Новая эпоха. Идеократия. Политика-экономика. Обзоры / Под ред. В. А. Пейль. Нарва, 1933; Он же. Новые пути Германии // Там же; Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 1999; Он же. Общевразийский национализм // Основы евразийства. М., 2002.

Для того чтобы составить целостное представление о Савицком, как ученом и общественно-политическом деятеле, был полностью изучен его личный фонд (Р-5783) в ГАРФе. Фонд состоит из 2-х описей. Материалы первой описи (526 дел) содержат документы на микрофишах с 1919 – по 1944 гг. Источники по второй описи представлены изданными работами (1923–1936 гг.): евразийскими тематическими сборниками и периодическими изданиями, рукописями опубликованных статей Савицкого.

Учитывая большой объем фонда, в обзоре источников будут представлены только те дела, которые имеют непосредственное отношение к проблеме, рассматриваемой в данной монографии.

С учетом псевдонимов П. Н. Савицкого, в том числе, и установленных в нашем исследовании (Ходот, Петроник, Наблюдатель, Степан Лубенский, П. В. Логовиков, Петр Восток, Элкин, Эсдерс, Чернов¹³⁵) документы данного фонда можно условно разделить на следующие группы¹³⁶:

1. Доклады, рецензии, рукописи статей Савицкого на русском языке, предназначенные для публикации на иностранных языках в европейских журналах: «Le Monde Slave» (Париж), «Аксе» (Брно) и «Socialni problemy» (Прага), «Slavische Rundschau» (Берлин) и других, а также черновые варианты статей с комментариями для публикации в эмигрантских изданиях, в первую очередь, евразийских¹³⁷. Некоторые из этих статей так и не были опубликованы. Сюда же относятся работы, обозначенные по описи 1, как «статьи неизвестного автора», представляющие собой черновики его опубликованных работ или статьи без названия, содержащие в себе выдержки из известных работ Савицкого без кавычек, построенные в их логике, как правило, с комментариями, свидетельствующими о том, что данные произведения принадлежат перу самого Петра Николаевича¹³⁸. Отметим, что большинство из них было напечатано на машинке, а после 1930 г. – все¹³⁹.

Многие из этих статей имеют ценные рукописные комментарии Савицкого 1940–1944 гг.(!), по которым можно проследить эволюцию взглядов ученого.

2. Письма, переписка П. Н. Савицкого с родственниками, частными лицами, общественными организациями (зарубежными издательствами, учебными заведениями) евразийцами по редакционно-издательским, агитационным, финансовым, идейно-политическим, теоретическим проблемам и вопросам личного характера¹⁴⁰. Здесь же содержатся сведения об отношении Савицкого к «Тресту».

Сюда же относятся письма Савицкому от П. Б. Струве, Я. Д. Садовского, П. Н. Малевича-Малевского и др., имеющие непосредственное отношение для данной книги. В них отражена полемика по идейно-политическим и теоретическим и тактическим вопросам¹⁴¹.

3. Документация политической организации евразийцев, в которой Савицкий играл ключевую роль, как ее организатор, идеолог и лидер, а после раскола, как руководитель Пражской группы: протоколы и постановления съездов и собраний евразийских групп, Центрального Комитета Евразийской Партии, «Совета трех П», «Совета пяти», «Совета Нефти», программы Евразийской Партии, отчеты о работе евразийских ячеек, бюджетные

¹³⁵ Последние три псевдонима установлены по: ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 359. Л. 114;117; ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 360. Л. 1–3.

¹³⁶ Деление на группы, предложенное в самих описях, представляется некорректным. Например, в категорию статей «неизвестного автора» включены рукописи опубликованных статей Савицкого, статей под его псевдонимом, или работы, авторство которых можно установить по почерку и содержанию, что и было сделано в данном исследовании.

¹³⁷ ГА РФ. Ф. 5783. оп. 1. Д. 2 – 190; Д. 212, 213, 214, 224,225, Названия дел приведены в списке источников.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 5783. оп. 1. Д. 245, 247,271, 273, 290, 281, 290, 291, 292, 293, 297,298, 299, 305, 307, 310.

¹³⁹ Об этом писал сам Савицкий: ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д.135. Л. 1.

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 323–369 включительно, 485, 492, 510–513.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 370, 371, 379, 384, 385, 387, 393, 400, 403, 406, 492.

вопросы¹⁴². Здесь содержатся ценные сведения по поводу кламарского раскола, и прочим внутрипартийным разногласиям, взаимоотношениям с «Трестом».

Эти документы – важный источник по изучению евразийства как политической партии, ее тактики и стратегии, разработчиком которой являлся ее лидер П. Н. Савицкий. В частности, здесь содержатся: «Обращение распорядительного комитета евразийцев к составу РККА», «Информационные секретные сведения от представителей евразийских групп о политическом положении в Италии, о политическом настроении эмигрантских кругов в Берлине во время пребывания там генерала Врангеля» и другие весьма ценные и интересные источники¹⁴³.

Документы из фонда одного из ближайших соратников Савицкого по евразийству и последователя его геополитических идей К. А. Чхеидзе (Р-5911) содержат в себе переписку с Савицким, и письма Савицкого в евразийские организации, к частным лицам по вопросам евразийской пропаганды и политической тактики, кламарскому расколу¹⁴⁴.

Особую ценность представляют письма П. Н. Малевич-Малевского к П. Н. Савицкому, содержащиеся в данном фонде. Они раскрывают причины кламарского раскола совершенно с другой стороны. Малевич-Малевский называет главным виновником П. Н. Савицкого¹⁴⁵.

В письме Е. Д. Кусковой к К. А. Чхеидзе отражено ее отношение к идеям «главного евразийца»¹⁴⁶.

Большой интерес для анализа влияния взглядов Савицкого на концепцию Чхеидзе представляет интервью, которое последний дал чешскому корреспонденту в 1933 г. и переписка с Г. В. Вернадским¹⁴⁷. Эти источники свидетельствуют о существовании евразийской геополитической школы.

Содержащиеся в фонде П. Б. Струве (на микрофильмах) письма Савицкого к «наставнику и другу» и его жене, Нине Александровне – важный источник, заключающий в себе не только ценные биографические сведения, но и отражающий эволюцию политических взглядов Савицкого с 1919 г. по 1924 гг.¹⁴⁸ Именно в письмах к Струве 1919 г. впервые упоминается «Россия-Евразия», выражаются основы складывающейся пореволюционной идеологии Савицкого, содержатся сведения об образовании евразийского движения и о первых разногласиях между «отцами-основателями».

В фонде С. Г. Пушкарева (Р-5891) находятся письма к нему родителей П. Н. Савицкого, а также письма самого Петра Николаевича, содержащие ценные биографические сведения о евразийском лидере, его рассуждения о политической ситуации в СССР середины 20-х гг.¹⁴⁹

Для конкретизации биографических сведений были просмотрены журналы заседаний белоэмигрантского Русского Совета за период с 4 апреля 1921 г. по 17 февраля 1922 г., хранящиеся в фонде Русского Совета г. Константинополя при главнокомандующем Врангеле (Ф. Р—7504)¹⁵⁰.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 453, 454, 457, 459, 467, 471, 485.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 457, 459.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 64, 91, 92, 93.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 95.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 44.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 120, 19.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100; ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 83.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 206, 208.

¹⁵⁰ Журналы заседаний белоэмигрантского Русского Совета за период с 4 апреля 1921 г. по 17 февраля 1922 г. Копии // ГА РФ. Ф. 7504. Русский Совет при Главнокомандующем Русской армией генерале П. Н. Врангеле. г. Константинополь. 1921–1922. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 – 292.

В фонде Русского народного университета в Праге (Р-5899) содержатся материалы лекций П. Н. Савицкого по экономико-географическим проблемам¹⁵¹. В фонде Русского юридического факультета (Р-5765) находится личное дело приват-доцента Савицкого¹⁵². Особую ценность представляют экзаменационные программы, которые отражают содержание магистерской диссертации П. Н. Савицкого.

Большое значение для данного исследования имеет хранящееся в ЦА ФСБ России, следственное дело в отношении П. Н. Савицкого¹⁵³. Здесь содержатся: биографическая справка, протокол задержания П. Н. Савицкого и постановление Особого совещания при НКВД СССР (от 20 октября 1945 г.) о заключении Петра Николаевича в ИТЛ; протоколы допросов Савицкого, по поводу его деятельности в правительствах Деникина и Врангеля, в эмиграции.

При всей сложности анализа этого вида источников (проблема определения степени объективности информации, получаемой при допросе), в них представлены ценные сведения о поездке Савицкого в СССР и о деятельности его после распада евразийского движения, в частности, как зачинателя и одного из руководителей оборонческого движения в Чехословакии. В этом же деле находится письмо Савицкого И. В. Сталину (от 5 января 1947 г.), написанное им в заключении, в котором он излагает свою биографию, пытается объяснить и оправдать свою деятельность «сочувствием задачам индустриализации Советского Союза».

Привлечение широкой источниковой базы, прежде всего, архивных материалов, позволяет составить целостное представление о концепции Савицкого, том идейно-политическом и научном контексте, в котором она формировалась, а также об эволюции взглядов Петра Николаевича, как ученого и политического идеолога. Использование разных типов источников (научных трудов и публицистических сочинений Савицкого, его переписки с близкими и евразийцами, общественно-политическими деятелями) дает возможность выявлять конъюнктурные установки в его теоретических построениях.

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. 5899. Оп. 1. Д. 130.

¹⁵² ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 809.

¹⁵³ ЦА ФСБ России. Д. Р-39592.

Глава I

Формирование политических взглядов и научных представлений П. Н. Савицкого

§ 1. Дореволюционный период: первые опыты геополитического анализа

1.1. Понятие империи. Типы империй

Петр Николаевич Савицкий родился 3 (15) мая 1895 г. в родовом имени Савищево¹⁵⁴ Черниговской губернии в семье предводителя местного дворянства, председателя губернского земского собрания (с 1906 г.) Николая Петровича Савицкого (1867–1941) и его жены Ульяны Андреевны (урожденная Ходот). К 1911 г. Николай Петрович дослужился до действительного статского советника, а с 1915 г. являлся уже членом Государственного Совета по выборам от Черниговского земства¹⁵⁵. Влияние отца на формирование мировоззрения будущего ученого сложно переоценить. Будучи неплохим публицистом, проявлявшим интерес к науке, прежде всего, к аграрной истории России¹⁵⁶, он привил сыну интерес к экономическим вопросам. Николай Петрович был ему настоящим другом, поддерживающим любые начинания своего отпрыска. Позже, в эмиграции он первый поддержал евразийские идеи сына и активно помогал в организации евразийского движения. Мнение отца по поводу его научной деятельности было очень важно для Петра Николаевича. Он интересовался оценкой Николая Петровича по поводу каждой своей публикации, о чем свидетельствуют материалы переписки с родственниками, хранящиеся в ГАРФе.

В 1913 г. П. Н. Савицкий окончил Черниговскую мужскую гимназию и поступил на экономическое отделение Петроградского Политехнического института имени Петра Великого. В числе его учителей были академик В. И. Вернадский и профессор П. Б. Струве (кафедра политической экономии и статистики). Последний разглядел «выдающиеся дарования» в студенте Савицком¹⁵⁷. За время обучения в институте он (Савицкий) уже имел ряд научных публикаций, в том числе, и в престижных изданиях: в «Русской мысли» (редактором которой был П. Б. Струве) и «Вопросах колонизации» по экономической проблематике и теории международных отношений («Сахарная промышленность в России между 1895–1909 гг.» (1916), «Сметы Переселенческого управления в период Третьей Думы» (1916), «Борьба за империю. Империализм в политике и экономике» (1915), «К вопросу о развитии производительных сил в России» (1916) и др.

П. Б. Струве принял самое деятельное участие в судьбе талантливого ученика. Петр Бернгардович устроил его в Российскую дипломатическую миссию в Христиании (Норвегия) в качестве коммерческого секретаря Посланника Миссии (1916–1917 гг.). Находясь на

¹⁵⁴ Дурновцев В. И., Кулешов С. В. Жизнь и судьба П. Н. Савицкого // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1994. С. 144.

¹⁵⁵ Савицкий П. Н. Савицкие. Родословная роспись Отдельный оттиск из IV тома «Малороссийского Родословника» В. Л. Модзалевского. Киев, 1913. С. 19–20.

¹⁵⁶ Об этом неоднократно упоминал сам П. Н. Савицкий. См.: Письма П. Н. Савицкого (отпуска) представителям евразийства по литературным и организационным вопросам // ГА РФ. Ф. П. Н. Савицкого. 5783. Оп. 1. Д. 355. Л. 68.

¹⁵⁷ Личные документы // ГА РФ. Ф. П. Н. Савицкого. Р-5783. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

этой должности, Савицкий подготовил заключение двух «торгово-политических» соглашений между Норвегией и Россией в обход интересов англичан. Здесь же он написал диссертацию «Торговая политика Норвегии во время войны»¹⁵⁸. По окончании Савицким в 1917 году института по специальности «экономист-географ», и получении степени кандидата экономических наук, Струве оставил его на кафедре истории хозяйственного быта при экономическом отделении Петроградского Политехнического института для подготовки к профессорскому званию¹⁵⁹.

Влияние западника Струве на складывающееся мировоззрение молодого ученого было очень велико. В письмах к Петру Бернгардовичу Савицкий обращался к нему, как «к Наставнику и Другу» или «Учителю». Вплоть до 1921 г., до образования евразийского движения и Петр Николаевич считал себя «струвистом»¹⁶⁰. Идеи либерального империализма, идеи о необходимости создания промышленно развитой, сильной Великой России, несомненно, отложили отпечаток на все дальнейшее творчество Савицкого.

Отметим, что влияние Струве было в большей степени научного характера, нежели политического. Во многом, это было связано с тем, что молодого исследователя в большей степени интересовали научные проблемы, которым всецело были посвящены его публикации. Как будет показано ниже, уже во время гражданской войны появятся идеологические расхождения в их позициях.

Первые научные работы П. Н. Савицкого, опубликованные в 1915—16 гг. в журнале «Русская мысль» были посвящены одной из самых общественно-востребованных проблем того времени – анализу причин первой мировой войны. Отправной точкой в исследовании империалистических противоречий здесь являлось изучение сущности империи как исторического явления. Исследователь Н. Н. Алеврас полагает, что в этих работах «Савицкий соединил и воплотил черты нарождавшихся тогда в западной науке учений об империализме и геополитике»¹⁶¹.

Действительно, имперская проблематика являлась стержневой в европейских и англосаксонских геополитических концепциях того времени. Автор термина «геополитика» (ввел этот термин в 1916 г.) шведский исследователь Р. Челлен считал главной целью одноименной дисциплины «изучение способов созидания Империй и происхождения стран и государственных территорий»¹⁶². Но с утверждениями некоторых историков о том, что эта тематика являлась в России новой¹⁶³, трудно согласиться. Как заметил С. В. Константинов, еще славынофил И. С. Аксаков (которого, как известно, евразийцы считали одним из своих идейных предтеч) в своих работах 80-х гг. XIX в. «исследовал самобытность «государственного телосложения» России (...), провел четкое разграничение между закономерностями образования империй Запада и Российской империей»¹⁶⁴.

Исследование феномена российской империи можно встретить даже в еще более раннее опубликованных работах С. М. Соловьева, Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева¹⁶⁵. К началу первой мировой войны данная проблема была не менее популярна и разработана в

¹⁵⁸ Личные документы // ГА РФ. Ф. П.Н. Савицкого. Р-5783. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

¹⁵⁹ Там же. Л. 12.

¹⁶⁰ Письма Савицкого своим родственникам // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 326. Л. 39.

¹⁶¹ Алеврас Н. Н. Начала евразийской концепции в раннем творчестве Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого // Вестник Евразии, 1996. № 1. С. 11.

¹⁶² Цит. по: Соколов Д. В. Эволюция немецкой геополитики // Геополитика: теория и практика. Сб. ст. М., 1993. С. 129.

¹⁶³ Алеврас Н. Н. Начала евразийской концепции в раннем творчестве Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого // Указ. соч. С. 11.

¹⁶⁴ Константинов С. В. В долгу у Ивана Аксакова // Русский Геополитический Сборник, 1998 № 3. С. 20.

¹⁶⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Сочинения в 18-ти книгах. М., 1851–1879; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб. 1871.; Леонтьев К.Н. Территориальные отношения // Русский мир. 1878. № 3.

России, чем на Западе, о чем свидетельствует большое количество публикаций отечественных геополитиков на эту тему. Среди них следует выделить работы Ю. С. Карцова «В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России)» (1908); Г. Н. Трубецкого «Россия как великая держава» (1910); И. И. Дусинского «Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики» (1910) и Е. А. Вандама «Наше положение» (1912) и «Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии» (1913).

Таким образом, в своих теоретических построениях П. Н. Савицкий опирался на богатую отечественную геополитическую традицию, которая, бесспорно, наложила отпечаток не только на его ранее, но и евразийское творчество.

Савицкий давал многоаспектное определение «империи», при этом, сужая ее предметные рамки.

Во-первых, империя определялась как «объединение наций в политическое, хозяйственное и культурное целое», самой этой триединой связью исключая существующего внутри себя «обособленных национальных цельностей», поскольку данная связь – в многонациональном единстве¹⁶⁶. При таком подходе из ряда «истинных империй» исключалась Османская империя и царство Тамерлана, как основанных только на политических связях образований.

Во-вторых, понимая под данной категорией такое объединение, в котором «нация, созидаящая многонациональную цельность, может дать сама «империализуемым» народам что-либо положительное», Петр Николаевич выявлял в империях «исторически разумное», прогрессивное начало¹⁶⁷. Савицкий подчеркивал: «Империя лишь там, где для покоренных народов покорение имеет большее значение, чем значение того несчастья, которое воспитывает характер человека и обнаруживает его недостатки»¹⁶⁸. В этой связи в качестве «созидательного» примера приводился исторический опыт Монгольской империи.

Отмечая, что «лишь татарское владычество могло привести северную Русь к национальному объединению и тем создать фундамент Русской империи», Савицкий как бы превосходил созданную им же позднее евразийскую теорию об империи Чингисхана, в рамках которой росла и набиралась опыта будущая русская держава-преемница¹⁶⁹. При этом, нельзя не отметить, что идея созидательного, собирательного для русских земель, значения ига уже имела место в русской историографии. В частности, в работах Н. М. Карамзина и одного из идейных предтеч евразийства Н. Я. Данилевского.

По мысли Савицкого, «положительное влияние» «империалистического ядра» или «перво-нации», созидющей империю, в политической и экономической сферах часто проявляется с преобладанием одной из них. И это определялось спецификой построения самой империи: расширение с помощью экономических рычагов, торговлю или через политические механизмы. На этой основе Савицкий выделял два типа империализма:

– *колониально-экономический*, который был присущ «наиболее сильным экономически, наиболее нуждающимся в «в хозяйственном дополнении» народам», в основном, мореходным. «Проводниками их империалистического расширения было море, отсюда их империализм приобретает форму колониально-заморских держав»¹⁷⁰. «Это многотерритори-

¹⁶⁶ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Русская мысль. Москва и Петроград, 1915. № 1. С. 54, 57.

¹⁶⁷ Там же. С. 58.

¹⁶⁸ Там же. С. 58.

¹⁶⁹ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Указ. соч. С. 58.

¹⁷⁰ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Русская мысль. Москва и Петроград, 1915. № 2. С. 64.

альное, но не многонациональное единство», «это империализация земель, а не народов»¹⁷¹. Самым ярким его представителем являлась Англия, а также Голландия, Испания и Франция.

– *континентально-сухопутный*, основанный не только на «политическом милитарном» могуществе, но и на «хозяйственном равноправии, равном объединении наций»¹⁷². Это империи, расширяющиеся по континенту. К такому типу относилась Российская империя и США.

Как видно, данная типология основывалась на принципе географического детерминизма, где решающую роль играло территориальное расположение империи. И в этом, как верно подчеркнула Н. Н. Алеврас, «можно заметить начала геополитического подхода к империализму»¹⁷³.

Пространственно-имперский дуализм рассматривался Савицким как геополитическая константа. Он отмечал, что эти типы империализма сложились еще в античности, с появлением Греческой колониальной и Римской континентальной империй. А Россия и Англия являлись лишь их расширившимся продолжением на новом историческом витке.

Такой подход шел вразрез со славянофильской геополитической традицией, где уникальность «процесса государственного телосложения» России противопоставлялась империям Запада прошлого и настоящего. В частности, И. С. Аксаков отмечал, что «процесс образования Российской Империи не представляет никакого сходства с процессом образования ни великих империй мира минувшего – Александра Македонского, Римской, Карла Великого, ни даже какого-либо из современных Западно-Европейских государств. Все они, более или менее, слагались способом завоевания, искусственного сочленения, с помощью насильственной (первоначально) ассимиляции, под воздействием осознанного политического принципа»¹⁷⁴.

Несмотря на это, теория двух типов империализма не была оригинальной: Савицкий с русского полюса пришел к выводам классической западной геополитики. Концепция геополитической бинарности мира, основанной на противоборстве сил-империй Суши и Моря активно разрабатывалась в первой трети XX века, как англо-саксонскими, так и немецкими геополитиками, и нашла свое законченное логическое оформление в концепции К. Шмитта, который отмечал: «Вся история планетарной конфронтации Востока и Запада во всей своей полноте сводима к основополагающему дуализму элементов: Земли и Воды, Суши и Моря. То, что мы сегодня называем Востоком, представляет собой единую массу твердой суши: Россия, Китай, Индия – громадный кусок Суши. То, что мы именуем сегодня Западом, является одним из мировых Океанов, полушарием, в котором расположены Атлантический и Тихий океаны»¹⁷⁵.

1.2. Геоэкономическая специфика русского империализма: проблемы промышленного развития и колонизации

Рассматривая русский империализм как континентально-сухопутный, не имеющий на материке Евразия аналогов, П. Н. Савицкий сосредоточил внимание на анализе его специфики. Что нашло отражение в его публикациях 1916 г. на страницах «Русской мысли»:

¹⁷¹ Там же. С. 72.

¹⁷² Там же. С. 73.

¹⁷³ Алеврас Н. Н. Начала евразийской концепции в раннем творчестве Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого // Указ. соч. С. 12.

¹⁷⁴ Аксаков И. С. Всемирно-историческое призвание России // Русский геополитический сборник, 1998 № 3. С. 28.

¹⁷⁵ Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря (Пер. с немецкого А. Д.) // Элементы, 2000. № 8. С. 2.

«К вопросу о развитии производительных сил» и «Проблема русской промышленности». В этих работах проблема поиска геостратегических ориентиров для нашей страны определялась задачей обеспечения ее экономической самодостаточности, автаркии, превращения ее в «замкнутое внутри себя хозяйственное целое». Здесь сказалось влияние Ф. Листа, экономиста первой половины XIX века. Именно он, по мнению, Петра Николаевича, «предвосхитил многое, чего вовсе не было в его время»¹⁷⁶. Прежде всего, это касалось разработанной немецким автором концепции «автаркии больших пространств», согласно которой, империи стремятся к хозяйственной замкнутости, к экономической самодостаточности.

Экономическая независимость Российской империи в условиях войны, по мнению Савицкого, определялась наличием развитой отечественной промышленности, прежде всего, металлургической¹⁷⁷. В этой связи вставал вопрос о путях индустриального развития России – один из самых дискуссионных в то время. Следует отметить, что и публикация указанных статей была также вызвана научной полемикой, начало которой положила статья известного экономиста М. И. Туган-Барановского «Развитие производительных сил» в «Речи» от 14 февраля 1916 г. Позицию последнего о ключевой роли сельского хозяйства и о невозможности мощного промышленного развития в экономике России Савицкий рассматривал как один из вариантов народнической доктрины, которую резко отрицал¹⁷⁸. Здесь сказалось влияние западника Струве, критиковавшего народническую идеализацию форм хозяйственного быта, ратовавшего за мощное экономическое развитие страны.

Принципиальное расхождение в позициях находилось в области экономической географии. Если М. И. Туган-Барановский ограничивал промышленное развитие России только ее европейской частью, менее богатой полезными ископаемыми (прежде всего, углем), по сравнению со странами Европы, то Петр Николаевич утверждал обратное: «Не в Европейской равнине, а в горах Азии может обрести русская промышленность богатство естественных ресурсов для своего развития»¹⁷⁹.

Такой подход был детерминирован географическими особенностями Российской империи, среди которых, в качестве определяющей, указывалась цельность, единство большой протяженной территории¹⁸⁰. В этой связи «идея русского промышленного развития связывалась с идеей мощи всего хозяйственного организма России», в том числе и с зауральской ее частью¹⁸¹.

Здесь прослеживается влияние концепции знаменитого историка-слависта В. И. Ламанского, которого позже евразийцы провозгласят одним из своих идейных предтеч. В его работах славянофильской направленности «Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе» (1871) и «Три мира Азийско-Европейского материка» (1893) утверждалась идея физико-географического единства русской империи, обусловленного «совершенным почти отсутствием в ней крупных внутренних расчленений»¹⁸². «Невысокий» и «ненепрерывный» Урал, по мнению Ламанского, не мог претендовать на статус «границ материка»,

¹⁷⁶ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Русская мысль. Москва и Петроград, 1915. № 1. С. 66.

¹⁷⁷ Савицкий П. Н. Проблема промышленности в хозяйстве имперской России // Русская мысль. Москва и Петроград, 1916 № 11. С. 73.

¹⁷⁸ Заметим, что П. Н. Миллюков позже, в своей эмигрантской статье, назовет эту полемику спором «продолжателя народнических взглядов» Савицкого с марксистом Туган-Барановским (См. Миллюков П. Н. Народник-марксист о русской народности // Современные записки. Париж, 1932. № 50. С. 435.)

¹⁷⁹ Савицкий П. Н. К вопросу о развитии производительных сил // Русская мысль, 1916. № 3. С. 43.

¹⁸⁰ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Русская мысль, Москва и Петроград, 1915. № 2. С. 74.

¹⁸¹ Савицкий П. Н. Проблема промышленности в хозяйстве имперской России // Русская мысль. 1916 № 11. С. 60.

¹⁸² Савицкий П. Н. Проблема промышленности в хозяйстве имперской России // Русская мысль. 1916 № 11. С. 60.

тем более, по сравнению с горными хребтами северного Китая или Гиндукуша в Средней Азии¹⁸³.

Аналогичные суждения были высказаны и другим эпигоном позднего славянофильства Н. Я. Данилевским, в известной работе «Россия и Европа» (1871). Сказалось также и влияние формулировок «географической цельности» России в «Заветных мыслях» (1903) и «К познанию России» (1906) Д. И. Менделеева, которого впоследствии Савицкий назовет «евразийцем здравого смысла»¹⁸⁴.

Важно отметить, что данный принцип цельности в русской геополитической традиции славянофильской, почвеннической направленности увязывался с идеей уникальности, неповторимой особенности Российской империи во всех ее проявлениях. Это касалось и экономической сферы. Следуя этой же логике, Савицкий подчеркивал: «В отношении к Российской империи решительно неприменима та экономическая структура, которая вырабатывалась в колониальных империях, созданных западными державами, например, империи Британской, где метрополия сосредоточила в себе огромную мощь и всесторонность обрабатывающей промышленности и хозяйственно, в той или иной форме, властвует над колониями. **В России, по естественным условиям, промышленность должна быть как бы рассеяна по всему лицу империи**» (выделено мной – А. М.)¹⁸⁵.

Таким образом, геополитическая теория двух типов империализма дополнялась экономическим обоснованием. Если для колониальных империализмов свойственна концентрация промышленности в метрополии, то для России, по мнению Савицкого, экономически целесообразна была бы ее децентрализация.

Основным препятствием для реализации такого равномерного территориального распределения экономических баз являлось «роковое территориальное несовпадение сосредоточий русской культуры с центрами природных ресурсов в России»¹. При этом, было верно подмечено, что коренная Россия восполняла недостаток промышленных ресурсов «культурно-хозяйственным расширением», вектор которого был направлен на северо-запад: «Петербург-Петроград являлся как бы символом этих исторических потребностей и тяготений»¹⁸⁶. А богатые полезными ископаемыми юго-восточные территории находились в культурном состоянии «пустынности и дикости». Выход из этой ситуации виделся в «промышленном использовании и ином культурно-хозяйственном включении» окраинных областей востока и юга России¹⁸⁷.

Такой подход был созвучен концепции знаменитого политгеографа В. П. Семенова-Тянь-Шанского (ныне считающимся одним из столпов отечественной геополитики), сформулированной им в работе «О могущественном территориальном владении применительно к территории России» (1915). Относя русскую империю к особому типу «систем могущества» держав – «от моря до моря» – великий географ считал главным недостатком подобной организации – неравномерность в культурном и, прежде всего, в хозяйственно-экономическом развитии широтно очень растянутой территории: «В наших же условиях колонизация имеет вид постепенно суживающегося меча, тончающего и слабеющего на восточном конце»¹⁸⁸. Указывая на стратегическую уязвимость и экономическую

¹⁸³ Ламанский В. И. Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 42.

¹⁸⁴ Письма П. Н. Савицкого Трубецкому, Сувчинскому и другим деятелям евразийства по редакционно-издательским, финансовым и другим вопросам. Отпуска и черновики. 12.01.1923 – 20.12.1923 // ГАРФ. Ф. 5783. Д. 334. Л. 65.

¹⁸⁵ Савицкий П. Н. К вопросу о развитии производительных сил // Русская мысль. 1916. № 3. С. 44.

¹⁸⁶ Савицкий П. Н. Проблема промышленности в хозяйстве имперской России // Русская мысль. 1916 № 11. С. 67.

¹⁸⁷ Там же. С. 68.

¹⁸⁸ Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к территории России Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / Составитель Л. Н. Шишелина. М. 2007. С. 471.

невыгодность подобного положения, он также, как и Савицкий, видел выход в выравнивании периферии и центра по плотности населения.

Интересны варианты предложенных путей реализации поставленной задачи Савицким и Семеновым-Тянь-Шанским. Последний предлагал создать в азиатской части России культурно-экономические колонизационные базы на Урале, Алтае, горном Туркестане с Семиречьем и на «Кругобайкалье»¹⁸⁹. И П. Н. Савицкий также настаивал на необходимости создания промышленных центров в областях «окраинных и малокультурных», прежде всего, Урала и Алтая¹⁹⁰.

Параллели очевидны. Говорить о каком-то заимствовании Савицким у его коллеги представляется лишенным оснований. Тем более что над этой проблематикой Петр Николаевич начал работать задолго до этих публикаций, в 1913 году, будучи еще первокурсником¹⁹¹. Это говорит о другом. Как и Семенов-Тянь-Шанский, Савицкий – был продолжателем традиций русской геополитики, исходил из того же накопленного исторического опыта. И так же, как и Семенов-Тянь-Шанский, стремился к максимальной объективности в своих построениях. Это представлялось возможным, через рассмотрение географического фактора в связи с экономическим, играющим решающую роль в процессе формирования территориального господства. А реализация теорий ученых о колонизационных базах как анклавов ускоренного развития в восточной части России, как генераторах и гарантов территориально-политического могущества, в практике Советского Союза¹⁹² – свидетельство того, что рассмотренные выше концептуальные положения были обоснованы научно.

Развивая свою теорию двух типов империализма, Петр Николаевич обратился к вопросу о возможностях промышленного развития России в соотношении со странами Запада. Таким образом, под русскую геополитическую традицию была подведена еще одна научная основа – экономгеографическая¹⁹³.

Отталкиваясь от географических особенностей стран Запада и России, он пришел к следующим экономико-географическим и геополитическим выводам. Если европейские колониальные империализмы, опираясь на колонии, по преимуществу сельскохозяйственные области, могут идти по пути промышленной ориентации экономики и превращению в «страну-город», то для Российского империализма «проблему промышленного развития, как проблему «преобладания» промышленности над сельским хозяйством, ставить неправильно»¹⁹⁴. Причина виделась П. Н. Савицким во все тех же пространственно-геополитических особенностях: «Обширность территориальных масштабов ставит также определенный предел их (России и похожих на нее по географическим характеристикам США – А. М.) индустриализации и превращению в сплошную страну-город»¹⁹⁵. В итоге, специфика русского промышленного развития, вытекающая из особенностей ее географии, по мнению П. Н. Савицкого, заключалась в равновесии между промышленностью и сельским хозяйством. И в случае, если при таком балансе российская экономика по масштабу и объему промышленного производства не будет уступать европейским колониальным странам, то «промышленное производство России надлежит признать осуществившимся». При этом подчеркива-

¹⁸⁹ Там же. С. 473.

¹⁹⁰ Савицкий П. Н. Проблема промышленности в хозяйстве имперской России // Там же. С. 68.

¹⁹¹ Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому // Славяноведение. 1992. № 4. С. 84.

¹⁹² С началом курса на модернизацию промышленности, с созданием центров промышленного развития на Востоке. В годы второй пятилетки промышленный центр страны сосредоточен на Урале. В годы третьей – активно задействованы Сибирь, Дальний Восток, Казахстан.

¹⁹³ Сегодня такой подход принято называть геоэкономическим.

¹⁹⁴ Савицкий П. Н. Проблема промышленности в хозяйстве имперской России // Там же. С. 58.

¹⁹⁵ Савицкий П. Н. Проблема промышленности в хозяйстве имперской России // Там же. С. 60.

лось, что «толчок к подъему производительной энергии русского народного хозяйства может и должен быть дан мощным развитием сельского хозяйства»¹⁹⁶.

Как покажет история, последний принцип будет одним из ключевых в индустриализации советской экономики, что еще раз подтверждает объективные основания первых геополитических построений молодого экономиста. Следует также отметить, что данную «равновесную теорию», отражавшую, в том числе, и «идею своеобразия» России даже ярый критик евразийства П. Н. Миллюков считал «выдержанной во вполне законных пределах» и имевшей научное обоснование¹⁹⁷.

Положение о необходимости равновесия промышленной и сельскохозяйственной составляющих экономики России выводилось из представления о «многозначности ее хозяйственной природы» – уникального качества, которого нет у колониальных империализмов. Эта особенность, по мнению П. Н. Савицкого, определяет то, что континентальная Россия по своей экономической природе является «хозяйством имперским», то есть способным достичь экономической самодостаточности в пределах своих политических границ, что в условиях войны представлялось особенно важным.

Этот аспект теории русского империализма уже тогда, в дореволюционный период, имел в геополитическом мировоззрении молодого ученого принципиальное значение. В дальнейшем, он будет одним из основополагающих в евразийской концепции «россиеведения» П. Н. Савицкого. Об этом неоднократно говорил и он сам. Так, в письме к известному византисту, академику Ф. И. Успенскому от 1928 г. Петр Николаевич утверждал: «К евразийской концепции России я пришел от экономической географии и вопроса о развитии производительных сил»¹⁹⁸. А позже, он включил статьи 1916 года в свою монографию «Месторазвитие русской промышленности. Вопросы индустриализации» (1932), отметив, что они подтверждают вывод о стратегической необходимости и возможности «догнать и перегнать» европейские государства¹⁹⁹.

1.3. Проблема образования Российской империи. Геостратегия России в мировой системе империализма: поиски геополитического баланса. Роль восточного направления в геополитике Российского государства

В дореволюционных публикациях П. Н. Савицкого прослеживается и другое направление исследования феномена российской континентальной империи – собственно геополитическое и геостратегическое, основанное на анализе исторического опыта. Такой подход был характерен не только для классической западной геополитики, один из отцов-основателей которой Ф. Ратцель определял ее цель, как исследование «связи географического воззрения и исторического разьяснения»²⁰⁰. Глубокий исторический анализ был присущ и русской геополитической традиции. И если западная империалистическая геополитика прибегала к исторической науке для обоснования экспансионистских целей государств и колониальных захватов, то наша отечественная (в большей степени, славянофильская и почвенническая), наоборот, – исходила из исторического опыта. Конечно же, это не исключало и опре-

¹⁹⁶ Савицкий П. Н. К вопросу о развитии производительных сил // Указ. соч. С. 45.

¹⁹⁷ Миллюков П. Н. Народник-марксист о русской народности // Современные записки. Париж, 1932. № 50. С. 435.

¹⁹⁸ Письмо П. Н. Савицкого Ф. И. Успенскому // Славяноведение. 1992. № 4. С. 84.

¹⁹⁹ Савицкий П. Н. Месторазвитие русской промышленности. Вып. I. Вопросы индустриализации. Берлин. 1932. С. 110–111.

²⁰⁰ Ратцель Ф. Народоведение. Т. 1. СПб., 1901. С. 3.

деленного идеологического влияния. Но вектор исследования был другой. В этом же русле построены и работы П. Н. Савицкого.

Одной из важнейших задач, поставленных молодым исследователем перед собой, являлось определение предпосылок и времени становления Российской империи.

Отмечая, что важной вехой в государственно-политическом развитии России было воссоединение «обособленных первоначий» Московии и Украины в XVI в. – что привело к созданию «империализующего ядра», «великого русского национального единства», П. Н. Савицкий не усматривал в этом империалистических черт, поскольку Великороссия и Украина не составляли сами по себе «империи»²⁰¹. Также и в последующем периоде «от Петра до конца XVIII века», поскольку Прибалтика рассматривалась как «необходимое дополнение русской национальной территории, дававшее России выход к морю, столь для нее необходимый»²⁰². Поволжье, Сибирь и Дальний Восток также имели для России внутри-историческое значение, необходимые, как области для русского заселения. Все эти территории составляли русскую историческую и географическую «цельность».

По убеждению П. Н. Савицкого, когда Россия вышла за пределы расселения русской национальности в конце XVIII века, присоединив Грузию и Крым, только тогда наше государство стало империей. (В этом его позиция была созвучна с идеями В. О. Ключевского). Из этого исторического факта делался геополитический вывод – с названными регионами увязывалось важнейшее, и одновременно, одно из самых слабо защищенных, стратегическое направление геополитической активности Российской империи – южное (каспийско-черноморское).

Определяя круг стратегических интересов Российской империи к началу Первой мировой, Савицкий заметил, что все главные ее сырьевые области (Донецкий и Керченский бассейны, Кутаисская губерния, Апшеронский полуостров и т. д.) расположены «амфитеатром» вокруг Черного моря. Отсюда прослеживалось экономическое и стратегическое тяготение к ним Константинополя, который молодой экономист считал «крупнейшим русским портом», поскольку в его гавань ежегодно заходило русских торговых судов гораздо больше, чем в любой русский порт²⁰³.

Здесь вполне определенно прослеживалось влияние славянофильской традиции, которая рассматривала черноморское направление и борьбу за проливы как стратегически приоритетное для России. Как отмечал эпигон позднего славянофильства Н. Я. Данилевский: «Одно Черное море в состоянии дать России силу и влияние на морях»¹. Подразумевалось, что это даст и определенное влияние на страны Востока. А защитить уязвимую южную границу, с точки зрения этого направления отечественной геополитики, могло одно – присоединение Константинополя с последующим превращением его в столицу Всеславянской Федерации или же, как предлагал К. Н. Леонтьев – в административную столицу Российской империи. Стратегически это значительно бы сократило пограничную линию, обезопасив наше южное направление.

Кроме того, такой подход П. Н. Савицкого к столице Византии на начало 1915 г. (т. е. время написания статьи) не был лишен и вполне практических оснований. Известно, что в меморандуме российского МИДа от 4 марта 1915 г. в числе изложенных официальных требований в связи с Османским наследством указывался, наряду с прочими европейскими

²⁰¹ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Русская мысль. Москва и Петроград. 1915. № 2. С. 70–71.

²⁰² Там же. С. 70.

²⁰³ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Там же. С. 65.

владениями Турции, и Константинополь²⁰⁴. Иными словами, геостратегические ориентиры, определенные Савицким, соответствовали военно-стратегическому курсу правительства.

Главную угрозу в этом направлении России, по мнению П. Н. Савицкого, представляла Германия, которая, угрожая из Константинополя, могла бы «повторить попытку Крымской войны». Такой стратегический расчет представлялся не только нежелательным для нашей страны, но и неверным для последней. По глубокому убеждению П. Н. Савицкого, «направленность войны против России не уничтожает того обстоятельства, что, при известных условиях, идея империалистической Германии гораздо более совместима в мире с идеей империалистической России, чем с идеей империалистической Англии»²⁰⁵. Это объяснялось геополитической природой самой Германской империи.

Исследуя проблему совместимости русского и немецкого империализмов, П. Н. Савицкий обратился к опыту немецких исследователей, прежде всего, экономистов. Следует также учитывать, что в теории и практике политической жизни этой страны проблема империи и имперского хозяйства в период конца XIX – начала XX вв. была одной из самых востребованных и глубоко разработанных. Ведь, совершив в конце XIX в. умопомрачительный скачок в развитии, в течение жизни одного поколения, Германия сделала одной из ведущих индустриальных держав мира. Но, когда это сильнейшее в Европе империалистическое государство вышло на арену борьбы за свои «жизненные интересы» – мир был уже поделен...

Не принимая аргументов известного публициста и общественного деятеля Германии П. Рорбаха, отстаивающего «колониально-экономический» характер Германской империи, и объяснявшего его противоречия с континентальной Россией пресловутым противостоянием Суши и Моря, Петр Николаевич тоже обратился к географическим разъяснениям. Исходя из того, что Германия в силу географического положения, имеет «как бы два лика: один смотрит на океан, другой – на континент», он отнес эту страну к «континентально-колониально-экономическому» типу²⁰⁶. Этим обуславливалась двойственность ее геостратегии: «Трагедией современной Германии является именно то, что она принуждена против воли сражаться с Англией, в то время как сама мысль о континентальном расширении в сторону Австро-Венгрии и Турции родилась в Германии, вероятно, вследствие желания избежать этого столкновения с Англией в первой стадии своего колониально-империалистического расширения»²⁰⁷. Кроме того, Савицкий выявил уязвимое место в стратегии континентального расширения Германии – зависимость от наличия «континентальных гарантий» со стороны сухопутных держав.

Исходя из своей теории двух типов империализма, Савицкий выявил принцип взаимодействия империй сообразно их геополитической сущности. Согласно нему, «при известных условиях «континентально-политический империализм» России совместим, в отдельности, с «колониально-экономическим» империализмом и Германии, и Англии, в то время как империалистические задачи Германии и Англии, благодаря своей значительной однородности, вряд ли могут быть примирены»²⁰⁸.

Вслед за Иваном Аксаковым²⁰⁹, Савицкий отмечал, что в противоположность Британской и Германской империям, где в территориальном, а значит, и в экономическом отноше-

²⁰⁴ Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. М. 1994. Т. 4. С. 124–125.

²⁰⁵ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Там же. С. 67.

²⁰⁶ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Указ. соч. С. 65.

²⁰⁷ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Указ. соч. С. 67.

²⁰⁸ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Указ. соч. С. 67.

²⁰⁹ И. С. Аксаков в 1884 г. отмечал, что европейские империи являют собой «искусственное сочленение других народов первоначально с помощью насильственной ассимиляции «...» Россия же развивается словно из зерна, как дуб из желудя, solely органическою – и притом еще и духовно-органическою». См.: Аксаков И. С. Всемирно-историческое призвание России // Русский геополитический сборник, 1998 № 3. С. 28.

нии нет единства между «империализующим центром» и «империализуемыми народами», территориально-единой России, «где вся «империя» соединена в одно целое» присуща «экономическая равносильность и равноправность народов»²¹⁰. Это неагрессивный территориальный империализм, и при наличии гарантий от континентальных поползновений Германии, «вопрос Великая Британия или Великая Германия, как преобладающая колониальная империя становится для России принципиально безразличным»²¹¹. Без этих гарантий Россия, по его мнению, заинтересована в сильной Британии. Как видно, в этом аспекте концепции П. Н. Савицкого прослеживается противоречие с классической западной геополитикой, возводящей в абсолют противоречие империй Суши и Моря. Российский геополитик при определении стратегических интересов государств-империй исходил из принципа приоритета однотиповых имперских противоречий (Континент-Континент, Океан-Океан) над разнотиповыми (Суша – Море или Континент-Океан). Отсюда стратегия дружеского сосуществования России и сильной Германии могла быть осуществима в случае ориентации последней на колониально-заморское расширение, что, разумеется, повлекло бы конфронтацию с Англией. Но это дало бы возможность усилиться в континентальном союзе России, вектор имперского расширения которой, по мнению П. Н. Савицкого, обращен на Восток, «и многое говорит за то, что она может создать здесь органическую империалистическую целостность, сходную иными чертами и заданиями с эллинистическими монархиями Востока и Римской империей»²¹².

²¹⁰ Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Русская мысль. Москва и Петроград. 1915. № 2. С. 73, 74.

²¹¹ Там же. С. 77.

²¹² Там же. С. 71.

§ 2. Общественно-политическая и научная деятельность П. Н. Савицкого в годы гражданской войны

2.1. Теория геополитического и исторического оптимизма: анализ событий 1917 года и Гражданской войны. Формирование основ пореволюционной идеологии

В работах, посвященных творчеству П. Н. Савицкого в доэмигрантский период, не принято выделять 1917 год как важную веху в формировании его взглядов. Подобный подход представляется неверным, поскольку после Октябрьских событий, о чем свидетельствуют письма и опубликованные работы Петра Николаевича в годы гражданской войны, стала проявляться его политическая позиция, во многом, отличная от «струвистской». А это, в свою очередь, повлияло и на его научное мировоззрение, на осмысление исторических событий первой трети XX века. Этот фактор очень важен при рассмотрении формирования евразийской исторической концепции П. Н. Савицкого.

В одном из писем П. Б. Струве времен Гражданской войны Савицкий охарактеризовал пореволюционный период так: «Сатанинская, но захватывающая наша современность»²¹³. В этой фразе отражалась его позиция и отношение к событиям того времени. Понимая, что «России, которая была, уже нет», не приемля революции, ненавидя большевиков, он не собирався уезжать из страны, «не прикоснувшись и не узнав, будет ли Россия и какова она будет»²¹⁴.

Он уехал на Украину, свою малую родину, где «силою слова и оружия» защищал черниговский хутор от «большевистских банд». «Видел немецкий режим, (сражался в рядах русского корпуса «как нижний чин»²¹⁵), отстаивавшего Киев от Петлюры, пережил падение Киева и вместе с отцом не то уехал, не то бежал из него, видел и касался французов в Одессе и дождался «славного» конца *occupation française*»²¹⁶. Позже скитался по разным городам Юга: Полтава, Харьков, Ростов и другим.

Затем вступил в Добровольческую армию А. И. Деникина, где занимал должность помощника начальника управления торговли и промышленности в Особом Совещании, был начальником экономического отделения в Управлении иностранных дел правительства А. И. Деникина. В 1919–1920 гг. находился в заграничных командировках в качестве представителя администрации Деникина в Париже. В правительстве П. Н. Врангеля был помощником начальника отдела Управления иностранных дел П. Б. Струве, начальником экономического отделения Управления иностранных дел при Главнокомандующем ВСЮР, помощником Уполномоченного по устройству русских беженцев при Временном комитете Всероссийского Земского Союза.

Оказавшись в гуще динамичных событий, постоянно изменяющихся перспектив для будущей России, П. Н. Савицкий, как ученый, постоянно размышлял над историко-фило-

²¹³ Письма Савицкого Петра Николаевича Струве Петру Бернгардовичу 1919–1924 гг. (Письмо от 2/15 марта 1919 г.) // ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100. Л. 7

²¹⁴ Письма П. Н. Савицкого, адресованные «Начальнику и Другу» с изложением политических убеждений за 1920 год // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 323. Л. 1.

²¹⁵ Имеются в виду добровольческие дружины, сражавшиеся вместе с гетманом П.П. Скоропадским.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 323. Л. 2.

софской проблемой о геополитическом будущем России. Это нашло отражение в его переписке со Струве, со своими родственниками, но системно было изложено в его работе 1919 г., опубликованной в Екатеринодаре – «Очерки международных отношений». Проанализировав эту брошюру, можно утверждать, что к 1919 г. у Савицкого имелся целостный, концептуальный взгляд на события революции 1917-го и Гражданской войны.

Савицкий рассматривал революцию как проявление «гражданской смуты», ведущей к «погибели национальной силы»: «она означает полный национальный разброд, отсутствие власти и распадение государства на множество грызущихся между собой территориальных единиц и партий, настоящих злых шавок государственной действительности»²¹⁷. В Гражданской же войне через борьбу «двух великих полюсов» «живой силы бывлой Российской Империи» проявляется созидательное начало: «И разве мы не замечаем, как постепенно исчезают с исторической арены шавки Российской революции, непримиримые белорусские и украинские “самостийности”, сепаратизмы а la Одесский сепаратизм господ Андро и Рутенберга и ублюдочные образования вроде Уфимской Директории»²¹⁸.

Рассматривая феномен «идейных» гражданских войн в мировой истории, Савицкий пришел к выводу, что они «предуказывают» великую историческую судьбу народа. Например, после гражданских войн времен О. Кромвеля Британия установила мировое океаническое господство; США после гражданской войны превратились в одну из сильнейших мировых держав и т. д.

Основания для оптимистических прогнозов на итог гражданской войны в России П. Н. Савицкий находил не только в области мировой истории, но и в сфере геополитики.

Продолжая исследование феномена Российской империи, уже в складывающихся условиях нового Версальского миропорядка, Савицкий не мог не обратить внимания на Германию, как и Россию, выброшенную за борт с корабля мировых держав решениями Парижской мирной конференции. Критикуя такой вердикт, П. Н. Савицкий пророчески заметил, что страны-участники этого «международного судилища» «горестно ошибутся в своих ожиданиях и в исторической перспективе уготовят себе несколько смешное положение»²¹⁹. Кроме похожего униженного состояния, эти две страны сближало такое историческое свойство государственности, как великодержавность, существо которого, заключается, по мнению, Петра Николаевича – в том, «что они остаются великодержавными при всех поворотах своей истории»²²⁰. А это означало, что центростремительные силы снова проявятся в государственном организме и возродят империю. Это утверждалось Савицким как закон «исторической необходимости», который не в силах отменить никакая политическая сила.

Победит ли в России национальный лагерь Колчака и Деникина с лозунгом Единой Великой России или же большевики, геополитический итог будет тот же самый – **собрание пространства России-Евразии**. Еще в письме к П. Б. Струве от 2/15 марта 1919 г. Савицкий впервые употребил термин **Евразия** применительно к пространству бывшей Российской империи: «За политическое же величие России я ни капельки не боюсь: не мытьем, так катаньем, не добровольцам, так большевикам, а **Россия останется властителем во всем круге наших «евразийских» земель**, а может быть и не только в нем, и никакие самостийности, в том числе и финляндско-польские, в исторической перспективе не изменят этого положения» (выделено мной – А. М.)²²¹.

²¹⁷ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений // П. Н. Савицкий. Континент Евразия. М., 1997. С. 388–389.

²¹⁸ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений // Указ. соч. С. 389.

²¹⁹ Там же. С. 384.

²²⁰ Там же. С. 390.

²²¹ ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100. Л. 16

Уже в 1919 году Савицкий замечал, что «воинствующий интернационализм российской Советской власти перерождается и неизбежно должен переродиться в воинствующий российский империализм»²²². Эта позиция была принципиальной. Позже, в письме к Струве от 21 января /4 февраля/ 1920 г., Савицкий подчеркивал, что категорически не согласен с убеждениями некоторых представителей антибольшевистского движения, вроде барона Б. Э. Нольде и Б. В. Савинкова, считавших, что большевики могут пойти на заключение мира с Антантой, «симпатизирующей расчленению России», и тогда «Совдепия войдет скромным сочленом в мировое сообщество», как, например, Абиссиния или Персия»²²³. Как только Советской власти перестал угрожать «бронированный кулак» Германской империи, она стала воссоединять Белоруссию, Украину, прибалтийские области бывшей Российской империи. Более того, Савицкий считал, что «если бы Советская власть одолела Колчака и Деникина, то она «воссоединила» бы все пространство бывшей Российской империи и, весьма вероятно, в своих завоеваниях перешла бы прежние ее границы»²²⁴.

Получалось, что пространство «метафизически» само моделирует свою политику и даже хозяйственное развитие, а политические силы как бы надстраиваются, или перестраиваются, в соответствии с его (пространства) «исторической необходимостью».

Так, Савицкий считал, что одной из исторически необходимых потребностей державного организма России является создание крепкого собственника. Отсюда делался вывод, что в случае победы приверженцев «историко-индивидуалистического» пути развития будет идти процесс признания и реформирования собственности; в случае же прихода к власти проводников «абстрактно-коллективистской» линии – результат будет такой же: от «ненависти к собственности» – к ее признанию. Савицкий был уверен, что большевики, в случае их победы, неизбежно придут к осознанию этой внутренней геополитической данности и признают имущественные права среднего собственнического крестьянства. Начала такой эволюции он просматривал уже в 1919 г. в «заискивающих фразах Ленина о крестьянах-середняках»²²⁵.

Причем, шанс победить у большевиков, как бы это не было больно признавать Савицкому, был большой, поскольку у них был перевес в организационном отношении. Он писал Струве: «Насколько добровольцы превосходят большевиков воинской своей доблестью – настолько же большевики превосходят добровольцев в творчестве по части гражданского управления вообще и финансовой «решительности» в частности. Имея за собой все преимущества разума, навыков и современных крестьянских настроений, Добровольческая власть даже приступить не может к разрешению такого вопроса, как аграрный, отданная в узы сохранения безусловного status quo и связанная неправильным пониманием права собственности для ее политиков, *perpetuel et absolu*»²²⁶.

Савицкий не мог не замечать и последствий «мелкого» хозяйничанья интервентов, и «отсутствие воли» у правительства Деникина в «борьбе с советской валютой». Все это порождало и подогревало социалистические настроения среди интеллигенции Юга. «Стихийное “полевание” приходится наблюдать даже в тех кругах, где его никак нельзя было ожидать. Кто только не изображает теперь собой пророка грядущей всемирной социалистической революции?!», – негодовал он в письме к «Наставнику» от 2 марта 1919 г.²²⁷ Наблю-

²²² Савицкий П. Н. Очерки международных отношений // Указ. соч. С. 387.

²²³ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 323. Л. 2–3.

²²⁴ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений // Указ. соч. С. 390.

²²⁵ Там же. С. 391.

²²⁶ ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100. Л. 12–13.

²²⁷ ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100. Л. 2.

дая эти процессы, и сам Петр Николаевич потерял веру в возрождение России силами Добровольческой армии²²⁸. Поэтому он чаще писал о возможности победы красных.

Савицкий был уверен, что в случае победы большевиков, сила «праведников» Белого Дела перейдет, **«как сила умирающего богатыря в русской былине – к их победоносному врагу**. Красный факел запалает в Европе и Азии, и безумием масс, как и безумием раскаленных национализмом не только малых, но и больших наций (Германия!) не будет ли сопротивление сломлено на многих участках» (выделено мной – А. М.)²²⁹ Несмотря на свою ненависть к «большевистской тирании», он отмечал: **«”Цепи” большевистских полков идут в атаку, как шли ”цепи” под Эрзерумом»** (выделено мной – А. М.)²³⁰.

Эта идея – намек на историческую связь между Советской Россией и Россией имперской, прозвучавшая из уст сторонника белого движения, читавшего «святые имена Каледина и Корнилова» в 1920 г., отражала стремление к объективному научному анализу событий после 1917. Важно отметить, что эти воззрения во многом предвосхищали появление пореволюционной идеологии будущих евразийцев. Геополитическое мышление Савицкого прозревало эту связь в идее сохранения цельной России как геополитического феномена.

Не менее важен здесь и другой момент. При рассмотрении Савицким имперского пространства как некоего живого организма, государства как процесса в его истории, проявился подход, характерный для классической западной геополитики.

Принципы географического детерминизма (географической обусловленности политической жизни) и органицизм или органические теории империй (представление о государстве-организме, «жизненном пространстве» у К. Хаусхофера или «Большом пространстве» у К. Шмитта.) особенно активно разрабатывались немецкой школой геополитики, начиная с работ ее основоположника Ф. Ратцеля (конца XIX – начала XX вв.)²³¹. С произведениями этого автора Савицкий был знаком²³². Но говорить о каких-либо заимствованиях представляется лишенным оснований. Здесь необходимо обратить внимание на то, что органицистские теории в западной империалистической геополитике служили обоснованием для экспансии, были направлены вовне. При рассмотрении же теории Савицкого, видно, что «историческая необходимость» собирает и созидает внутреннее пространство российской империи, она направлена вовнутрь.

Преемственность внешнеполитических форм Российской империи обуславливала и преемственность внутривнутриполитической и экономической ее организации. Таким образом, прогнозировался возврат к принципам хозяйственно-экономической жизни страны, воплощенным, по мнению Савицкого, в столыпинской России.

Здесь сказалось влияние русской геополитической традиции, в большей степени, славянофильской и почвеннической, направленной на изучение «телосложения» империи. Представление об определяющей роли пространства в хозяйственно-общественном развитии государства послужило основой в формировании центральной категории евразийской геополитики П. Н. Савицкого – «месторазвитие».

С другой стороны, прослеживаются параллели с концепцией известного представителя англо-саксонской геополитики Х. Маккиндера, изложенной им в работе «Географическая ось истории» (1904). Отметим, что в 1919–1920 гг. Маккиндер был представителем Вели-

²²⁸ Там же. Л. 4.

²²⁹ ГА РФ. Ф. 5783. Оп.1. Д. 323. Л. 6.

²³⁰ Там же. Л. 4.

²³¹ Соколов Д. В. Эволюция немецкой геополитики // Геополитика: теория и практика. Сб. ст. / ин-т Мировой экономики и междунар. отношений; под. ред. Э. А. Позднякова. М., 1993. С. 126; Гаджиев К. С. Геополитика. М., 1997. С. 9–10; Тихонравов Ю. В. Геополитика. Уч. пособие. М., 2000. С. 235.

²³² Письма П. Н. Савицкого (отпуска) представителям евразийского течения по литературно-издательским и теоретическим вопросам (1924–1926) // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 333. Л. 19.

кобритании в Белой армии при Колчаке, а затем у Врангеля. А. Г. Дугин не исключает, что «Савицкий, занимавший высокий чин в правительстве Врангеля, был с ним лично знаком (хотя документально подтверждающих это сведений нет)»²³³.

Классик атлантистской геополитики выстраивал стратегию мирового господства, ключом к которой являлся «хартленд» («срединная земля»), сердце Евразии. В пространственном отношении большая часть хартленда располагалась на территории Российской империи (плюс Балканы). Именно по русским землям он проводил «географическую ось истории», полагая, что геополитика Российской империи есть концептуализация стратегических интересов этой оси²³⁴.

Похожие взгляды представлены и в одной из глав «Очерка международных отношений» П. Н. Савицкого, которая называется «Сердце мировой истории». Лейтмотивом этой главы являлось утверждение, что от итогов Гражданской войны в России зависит историческое будущее всей Европы: или ее охватит «пожар всемирной революции» – или же победа Белого движения укрепит на Западе «национально-индивидуалистический строй»²³⁵. Из этого делался вывод о миссианской роли России в мире: «Тем самым русский народ в определенном смысле оказывается впереди Запада и кристаллизует в себе силы как коллективистского, так равно и индивидуалистского лагеря в таких масштабах, в каких Запад их еще не кристаллизовал»²³⁶. О схожих выводах двух геополитиков часто упоминают в историографии, но применительно к евразийскому периоду творчества П. Н. Савицкого²³⁷.

Еще раз подчеркнем, что теория о ключевой геополитической роли России-Евразии на пространстве Старого Света была рождена Савицким еще в России до окончания Гражданской войны, до встречи с Западом и «пессимистическими» историческими концепциями постверсальской Европы. Позже представление о России-Евразии как о «сердце мира» стало ключевым звеном в евразийской геополитике «научного руссификации».

2.2. Формирование методологических основ геополитического подхода. Разработка геостратегии для России в условиях Версальского миропорядка

В годы гражданской войны Савицкий продолжал непрерывно заниматься наукой, но жаловался в письме к Струве (Одесса, 2/15 марта 1919) «зимой и весной 1917–1918 гг. мешало то, что я был помещиком и солдатом собственного хуторского гарнизона. Летом 1918 был предпринимателем и вел 4 или 5 промышленных предприятий; ноябрь–декабрь – германским солдатом «особого корпуса и участвовал в сражениях в Киеве»²³⁸. При этом Петр Николаевич ухитрялся еще заниматься педагогической деятельностью. Так в Киеве, в 1919 гг. он читал лекции на женских курсах, в коммерческом институте и Народном университете²³⁹. В течение 1918–1919 гг. он написал докторскую диссертацию: «Метафизика хозяйства и опытное его познание», посвященную методологическим проблемам экономической

²³³ Дугин А. Г. Евразийский триумф (примечания) // Основы евразийства. М., 2002. С. 502.

²³⁴ Хэлфорд Джордж Макиндер «Географическая ось истории» // Элементы. Евразийское обозрение. 1995. № 7. С. 26–31.

²³⁵ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений // Указ. соч. С. 392.

²³⁶ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений // Указ. соч. С. 392.

²³⁷ Дугин А. Г. Евразийский триумф (примечания) // Указ. соч. С. 496; Михайлов Т. А. Эволюция геополитической идеи. Рига, 1998. С. 166.

²³⁸ Письма Савицкого Петра Николаевича Струве Петру Бернгардовичу 1919–1924 гг. // ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100. Л. 14–15.

²³⁹ ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100. Л. 6.

науки²⁴⁰. Работа была основана на критическом переосмыслении обширной базы экономической литературы с середины XIX века по начало XX, как отечественных, так и зарубежных авторов. Большая часть работы была посвящена критике теории К. Маркса (через вопрос о содержании категорий: «труд», «эксплуатация», «прибавочная стоимость» и т. д.), с работами которого Савицкий был хорошо знаком. В дальнейшем это сыграет свою роль при формировании евразийской исторической концепции, построенной как бы на отталкивании от марксизма. При этом, как будет показано ниже, во многих своих суждениях П. Н. Савицкий будет приходить к аналогичным выводам, что и последователи исторического материализма.

Ссылки на Маркса будут присутствовать во многих концептуальных работах Савицкого – они будут играть роль своеобразной компасной стрелки, указывающей угол отклонения для «самобытного» направления евразийской концепции.

В этой диссертации были заложены важные методологические основы будущей евразийской концепции «россиеведения». Заменяв термином «метафизика хозяйства» политическую экономию, Савицкий отошел от традиционного определения содержания последней. Политическая экономия – как наука, всецело основанная на эмпирических данных, по его мнению, ограничена в «свободе научного познания». Содержание же «метафизики хозяйства», как «офилософленной» политической экономики, включало в себя элементы и «хозяйственной веры», что расширяло границы познания, поскольку «свобода философского убеждения не знает пределов»²⁴¹. В дальнейшем, идея о метафизической (философской) сути хозяйства, будет лежать в обосновании геополитической (вытекающей из свойств «одухотворенного ландшафта») обусловленности экономической организации государства.

Неприятие как позитивистских, так и марксистских установок, выразилось в стремлении выработать универсальный метод в критико-методологическом исследовании экономического познания, где политическую экономию можно было бы сопоставить с естественными и точными науками, а также с философией²⁴². В дальнейшем эта задача, уже в усложненном виде, будет занимать центральное место в евразийских исканиях «синтезной науки» П. Н. Савицкого.

Другое направление интересов молодого ученого лежало в области геополитического анализа международной обстановки послевоенного мира и поисков геостратегически верного выхода для его Родины из «демократических» объятий Версальской системы²⁴³.

Продолжая размышления над причинами Первой мировой войны²⁴⁴, Савицкий пришел к выводам, во многом совпадающим с положениями теории неравномерности в экономическом и политическом развитии империалистических государств, развитой В. И. Лениным в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916). Так, он, вслед за Лениным, считал, что участие Германии, как главного зачинщика войны, было связано со слишком поздним появлением ее на арене «международного великодержавия», когда «мир был разделен по кусочкам без ее участия»²⁴⁵. Как отмечалось выше, Савицкий полагал, что великие державы способны к восстановлению. Версальский же договор еще более подогревал Германию в этом намерении, которая, несмотря на тяжелые территориальные и экономические потери, сохранила производительные силы, как свою хозяйственную основу. Поэтому, по

²⁴⁰ П. Н. Савицкий. Метафизика хозяйства и опытное его познание (часть I–V) // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 72.

²⁴¹ ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 72 Л. 73, 79.

²⁴² ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 72. Л. 13–14.

²⁴³ Достаточно вспомнить «14 пунктов» В. Вильсона.

²⁴⁴ Как было рассмотрено выше, этой проблематикой П. Н. Савицкий занимался с 1915 г.

²⁴⁵ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений // Указ. соч. С. 387. Можно сравнить: Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 387.

мнению П. Н. Савицкого, все попытки воспрепятствовать ее политическому расширению не только в прежних пределах, но и за старые границы, тщетны²⁴⁶.

Двойственность географического положения Германии предопределяла два варианта расширения: западное и восточное. Предвидя угрозу расширения Германии в восточном направлении (еще в 1919 году!) за счет территории России, Петр Николаевич разработал превентивный геостратегический план «континентальных гарантий и океанического равновесия», в соответствии с которым: во-первых, Россия (при этом не имело значение со стороны белых или красных), должна заключить с Германией «соглашение расчета», по которому первая получает гарантии от покушения на нее Германией, заключающиеся в возможности «полного осуществления славянской идеи», а именно: «в укреплении западных и юго-западных славянских государств и союзе с ними России, усилении ее влияния на Балканах и в ненемецких областях бывшей Австро-Венгрии»¹. Взамен Россия должна отказаться от интересов в Европе западнее линии Познань – Богемские горы – Триест, в результате чего Германия «бескровно добьется преобладания» в Западной Европе²⁴⁷. Савицкий полагал, что в этом случае, Германия может обойтись без войны, создав под своей эгидой вместе с «континентальными странами крайнего Запада и их колониями» (фактически навязав) «западно-европейский таможенный союз», в рамках которого протекционистская политика Франции и Италии была бы ликвидирована, а Германия получила бы доступ к «линии океана, более близкой ко многим центрам ее хозяйственной жизни, чем Любек и Гамбург»²⁴⁸.

Во-вторых, для устойчивости системы «континентальных гарантий» необходимо ее подкрепить «океаническим равновесием», а именно, поддержкой России Англией, ибо «одоление Германии над одной из этих сторон грозило бы повлечь установление всеевропейской, если не всемирной гегемонии Германии»²⁴⁹.

По мнению Савицкого, развитие событий вне данного геополитического сценария, то есть, если Германия начнет искать своего «исторического удела» на Востоке Европы, приведет к «новому обескровлению Европы, перед которым побледнели бы даже нынешние бедствия»²⁵⁰ (т. е. Вторая мировая война – А. М.).

Но основная заслуга П. Н. Савицкого не в том, что он на основе научного анализа еще на заре Версальско-Вашингтонской геополитической эпохи спрогнозировал начало Второй мировой, а в разработанной им геостратегии. Несколько утопичный проект по реализации континентальных панславянской и пангерманской идей при посредничестве «океанической» Британии в основе своей имел очень важное рациональное практическое геополитическое начало. Это идея о необходимости и возможности заключения соглашения между двумя аутсайдерами мировой политики и в то же время политическими врагами. Но Савицкий был уверен, что «народы российский и германский совместно оказались побежденными весьма вероятно, только для того, чтобы в следующий момент совместно же оказаться победителями»²⁵¹.

Значение этой концепции наиболее четко проявляется в сравнении с геополитическими планами англосаксонских и немецких геополитиков межвоенного периода.

Так, в 1919 году классик англосаксонской геополитики Х. Маккиндер указывал на то, что возможный союз Германии и России, разумеется, при подключении к нему стран Восточной Европы, создаст мощнейшую континентальную конфигурацию, которая в силах вытес-

²⁴⁶ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений. // Указ. соч. С. 394.

²⁴⁷ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений. // Указ. соч. С. 396.

²⁴⁸ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений. // Указ. соч. С. 396.

²⁴⁹ Там же. С. 397.

²⁵⁰ Савицкий П. Н. Очерки международных отношений // Указ. соч. Там же. С. 396.

²⁵¹ Там же. С. 397.

нить с территории материка Евразии любую геополитическую силу, что, прежде всего, касалось «океанической» Британии²⁵². Контрстратегия такой геополитической линии должна была заключаться в создании разделительного «срединного пояса» из государств Восточной Европы. Ведь согласно планетарной схеме Маккиндера, «тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем Земли» («хартлендом»)²⁵³. Как известно, такой подход нашел отражение и в «14 пунктах» американского президента В. Вильсона, и, что самое важное, в политической практике – в принципах организации Версальско-Вашингтонского миропорядка.

²⁵² Нарочницкая Н. А. Россия и русские мировой истории. М., 2003. С. 226.

²⁵³ Цит. по: Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1999. С. 52.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.